

Владислав Погадаев

Линия жизни

книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Михайлович Погадаев

Линия жизни. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29413800

SelfPub; 2023

Аннотация

Быт и нравы Среднего Урала в эпоху развитого социализма. Занимательные и поучительные истории из жизни послевоенного поколения. Семья и школа. Человек и закон. Тюрьма и воля. Спорт и характер. Становление героя. Содержит нецензурную брань единичными вкраплениями, за что и получила возрастное ограничение, но из песни слов не выкинешь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Владька	16
Заветная папочка	30
Таёжный промысел	36
Красная горка. Лето 1957 года	46
Сенокос	50
Верхотурье. 1957 год	54
Недетский праздник: всё как у больших	59
До всеобщей реформы образования	64
Бабушка да я – вот и вся семья. 1959 год	68
Пастуха ноги кормят. 1959 год	71
Последний год в школе. 1959 год	75
Нижняя Тура. 1960 год	80
Бокс	83
Баранча. 1961 год. Не всесоюзный староста	90
В луже у порога	94
Красота требует жертв. 1961 год	98
Дружелюбный грабитель	106
Письмо. 1961 год	108
Боксирующий тренер	112
Осенняя страда или осенние страдания. 1962 год	117
Труд и трудовые резервы	124
Выпускной. После бала. 1963 год	130

Владислав Погадаев

Линия жизни.

Книга первая

*Моей бабушке,
Погадаевой Прасковии Григорьевне,
посвящается
Прожитое, что пролитое – не воротить.*

Пролог

Погадаевы

– Венчается раб Божий Матвей рабе Божьей Параскеве! – голос священника набирает силу. В церкви жарко, меховые воротники прихожан – в капельках растаявшего снега.

– Венчается раба Божия Параскева рабу Божьему Матвею!

В толпе – тугой гул, как под крышкой улея:

– Слыхали? Жених-то невесту увозом взял. Подкараулил на улице, да в кошёвку. А посля такого только и одно, что прикрыть грех венцом...

– Знамо, от такого посрамления и до петли недалеко. А чего ж так-то? Аль родители супротив?

– Невеста не схотела. Их у родителя-то, у Григория Петухова, четыре девки да сын Иван. Старша дочь Татьяна, две средни: близняшки Анна да Прасковья, и меньшая – Анфиса. Так девки-то больно балованы.

– Да будет вам трёкаться, ушники! Всамделе Матвей-то к Анфиске сватался! А Анфиска-то в попадьи ладится, так Матвейке от ворот поворот и вышел, ну, знамо дело, в попадьях-то оно для жизни способнее. Тако что Прасковья сама согласие дала.

– Ну, ты и ботало! Анфиска-то ещё дитё совсем...

– Ой, бабоньки, да какая ж девка такому соколу по своей воле откажет?..

Действительно, был Матвей Погадаев красив какой-то нездешней, немужицкой красотой: тонко выписанное лицо с пухлым, капризно изогнутым ртом той самой формы, что скульпторы называют «лук амура», прямой нос с изящно вырезанными ноздрями. Глядел и впрямь соколом. Под стать ему была и Прасковья со строгим иконописным лицом, обрамлённым кружевом фаты.

* * *

Так или иначе, а только зажили Матвей да Прасковья в деревне Походилова под Екатеринбургом вполне справно. Своё поле обрабатывали, свою скотину держали: тройку лошадей, двух коров и прочую живность без счёту.

А в девятьсот десятом году народили сына и дали ему имя Михаил. Крестили маленького Мишу в новом Походиловском храме, освященном во имя благоверного великого князя Александра Невского.

В обращении с женой и сыном Матвей был крайне суров. Единственного сыночка Мишу, как и всех деревенских, с детства приучал к труду. Запрягать лошадь, пахать, косить, метать сено в стога, ходить за скотиной – эти нелёгкие работы Мишаня освоил вполне, а вот учёбе места отводилось немного, потому и образования отхватил всего четыре класса, впрочем, по тем временам это считалось вполне достаточным.

* * *

По осени, после завершения всех полевых работ, Матвей плёл несколько пар лаптей. Лыко драл сам. Сам готовил котомку со съестным, прощался с семьёй и пешком по грунтовым дорогам шёл в Верхотурье помолиться Симеону Верхотурскому и другим святым. Замаливал грехи. Шёл только пешком туда и обратно, изнашивая при этом все сплетённые лапти, а он точно знал, сколько их нужно запасти. Приходил просветлённый, уже по первому снежку. И вот тут начинались аттракционы.

Работы по хозяйству было уже немного, справлялись жена с сыном, а Матвей уходил в загул. Он, как только выпадало достаточно снега, запрягал в кошёвку тройку лошадей и уезжал в Екатеринбург, где в трактире напивался до одури.

Но самое главное – не это. Когда Матвей возвращался домой и с гиком мчался на тройке по деревне, жена должна была успеть распахнуть ворота, чтоб он влетел во двор на полном ходу. Если же Прасковья задерживалась, Матвей брал плётку в одну руку, наматывал женину косу на другую и нещадно избивал супружницу. Чтобы исполнить ритуал встречи, Прасковья ночи напролёт сидела у окна и ждала, когда её благоверный с криком влетит в деревню. Так сказать, бессменное дежурство: он ведь не сообщал, в какой день и час явится. И телефонной связи тогда не было. Попробуй, угадай, как скоро твой ненаглядный нагуляется и прибудет домой.

* * *

Несмотря на то, что пряталась деревня вдалеке от дорог среди глухих лесов – про неё так и говорили: походи-походи, может, и найдёшь Походилову – эхо событий семнадцатого года докатилось и до этих мест.

Революцию Матвей принял, распорол женину то ли юбку, то ли кофту красную, соорудил флаг и с этим флагом гордо прошёл по деревне.

Да, откалывал Матюша трюки.

Мишка-то, сынок, в этом плане был послабже, но своих трёх жён, видать, по примеру отца, держал в строгости и гонял как сидоровых коз. Особенно, когда напивался.

В первый раз отец женил Мишаню в восемнадцать лет. Родили они с женой двоих сыновей, да только умерли те во

младенчестве.

К тому времени Матвея, которому с приходом революции и отменой страха Божьего все пути оказались открыты, уже кружило, словно щепку в водовороте: всё хозяйство этого «революционера» пошло прахом, семья распалась. Михаил остался при матери, а Матвей растворился в сплошных загубах. В последние годы жизни он обитал где-то в Екатеринбургe, в его трущобах, и был похоронен на Михайловском кладбище. Могилу его уж и не найти.

* * *

Сестра Прасковьи Анфиса вышла замуж за священника и сделалась попадьёй. Судьба её поначалу складывалась удачно: в Походилове, большой и богатой деревне, где насчитывалось более трёхсот дворов, жизнь батюшки и его семьи была вполне сносной. Уцелели они и в непростое время Революции, и в Гражданскую Господь уберёг. А, может, у Советской власти просто руки до них не дошли. К тому же пряталась Походилова в глухом бору, про неё ведь так и говорили: «Походи, брат, походи – найдёшь Походилову»...

Но пришёл и их черёд: в двадцать девятом году в Походилове был организован колхоз, а в начале тридцатых по стране прошла очередная волна гонений на веру: повсеместно закрывали церкви и монастыри, монахов арестовывали и отправляли в лагеря и ссылки.

«Служители культа» уже с восемнадцатого года находились в новом советском сословии «лишенцев», то есть не

имели права участвовать в выборах, получать медицинскую помощь и продовольственные карточки, пенсию и пособие по безработице, а начисляемые на них налоги были выше, чем для остальных граждан Республики. Дети «лишенцев» не могли получить образование выше начального.

Да, в конце концов, и это можно было бы преодолеть, но священнослужителей вновь начали ссылать и отправлять в лагеря. Забирали и высылали целыми семьями – на севера, в безлюдные места. Привозили пароходами, выгружали на берег и оставляли выживать. Голод, холод и эпидемии довершали начатое: выдерживали немногие. Особенно тяжело приходилось семейным клирикам, ведь в первую очередь умирали дети.

Поэтому, когда мужа забрали, матушка Анфиса не стала дожидаться ареста, а, собрав уцелевшее после обысков и национализации барахлишко, с двумя детьми бежала в Свердловск, так как в большом городе затеряться было легче.

Разумеется, устроиться на завод или в контору, не имея соответствующих документов, она не смогла, а посему перебивалась случайными заработками. Когда всё прихваченное из дому было продано и проедено, перед семьёй встала угроза голодной смерти. Осознавая безвыходность положения, Анфиса сама отвела детей в детский дом, строго-настрого запретив им говорить о том, кто их родители, ибо дети репрессированных и в детских домах считались низшей кастой и подвергались унижениям и издевательствам.

* * *

Между тем, Миша Погадаев удачно вписался в новую реальность и как человек, выросший при советской власти, был твёрдо уверен в том, что всё идёт так, как и должно идти: сначала комсомол, затем – ВКП(б), а потом – куда партия пошлёт. Нужно укреплять пожарную безопасность – его направляют руководить пожарной бригадой в Добрянку; нужно поднимать лесную промышленность – отправляют на Платинский лесоучасток; нужно насаждать культуру – назначают руководителем клуба на этой самой Платине. Вот такой менеджер-универсал с четырьмя классами церковно-приходской школы.

На фронт Михаил не попал, лишившись – ещё до войны – правого глаза.

Трембовецкие

Трембовецкий Никифор Яковлевич – поляк по национальности, и его супруга Бойко Евдокия – украинка – проживали в селе Писаревка, что находится в двенадцати километрах от станции Кодыма, под Одессой. Никифор Яковлевич служил директором спиртзавода, Евдокия уверенной рукой вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием единственной дочери Оленьки, которая родилась летом двадцать четвёртого года. Их дом в Писаревке, который цел и по сей день, был, что называется, полной чашей.

Всё кончилось разом. Никифора Яковлевича взяли по сфабрикованному ГПУ делу «Союза освобождения Украины», видимо, по национальной принадлежности, но, поскольку к украинской научной интеллигенции, для дискредитации которой и был затеян данный процесс, он имел отношение более чем косвенное, ограничились высылкой за пределы Украины.

Евдокия, подхватив дочь, отправилась следом за мужем в далёкую Сибирь, про которую знала только одно, что когда-то, ещё при царском режиме, туда ссылали каторжан да революционеров. Но сказать: следом за мужем – легко, а найти этот след гораздо труднее. Неведомыми путями она узнавала, где предположительно находится супруг, а, узнав, переселялась туда и, чтобы хоть как-то выжить, занималась натуральным хозяйством. Евдокия даже научилась лазить на кедровые шишки – так они с дочерью добывали кедровые орехи. Вдвоём с маленькой Олей пахали, сеяли хлеб и даже гречиху выращивали, что по местным природным условиям было просто невероятно.

Наконец Никифор Яковлевич оказался в Кривошеинском районе Томской области на должности заведующего сельхозотделом. Но в августе тридцать седьмого года его арестовали и спустя три месяца расстреляли как участника контрреволюционной шпионско-диверсионной организации. Так семья навсегда потеряла его след: сколько бы ни писали, сколько бы ни наводили справки – всё было напрасно...

В сорок четвёртом году, потеряв всяческую надежду на возвращение Никифора, Евдокия вышла замуж во второй раз. Её новый муж, Харченко Сергей, тоже отсидел в сталинских лагерях и после смерти первой жены остался один с тремя детьми, которых они с Дусей стали растить вместе, поселившись в большой деревне Ярино Пермской области.

* * *

В сорок втором году дочь репрессированного Никифора Трембовецкого, которой тогда едва минуло восемнадцать, познакомилась с ссыльным одесситом Теплицким. Спустя некоторое время его забрали на фронт, а через два месяца, в январе сорок третьего, Ольга родила кучерявого темноглазого мальчика, которого назвала Юрием.

После войны Юрочкин отец прислал Оле вызов в Одесу, но она не поехала. Вроде как, мать не пустила, но, скорее всего, причина была совсем в другом: в конце сорок пятого Оля снова была беременна. На этот раз отцом ребёнка был идейно выдержанный и морально устойчивый коммунист Погадаев Михаил Матвеевич, тридцати пяти лет отроду, бездетный и свободный: с первой женой к тому времени он уже успел развестись.

Лето послевоенного сорок шестого года в Пермской области выдалось на удивление щедрым на всякую лесную ягоду. Во второй день августа Оля, будучи уже на сносях, прихватила лукошко и собралась было отправиться за малиной.

– Олюшка, да куда ж ты наострилась-то? – попыталась

остановить её Прасковья Григорьевна. – Живот-то на нос лезет – рожать тебе скоро!

– Ой, мама, вон девчата соседские вчера по ведру притащили. Говорят, ягода крупная, сама в руки сыпется – не могу я такой случай упустить. Да и малинник – сразу за околицей, чего там со мной станется?

Прасковья Григорьевна, зная неуёмный характер невестки, только вздохнула:

– Ну, коли так – иди. За Юрочкой я пригляжу.

Малины и правда было невпроед. Выбрав нетронутый участок, Оля горстями ссыпала в лукошко душистую ягоду. Неподальёку потрескивали кусты. Видать, страдовал кто-то из своих, из поселковых. Ольга знала здесь всех, да и её многие знали. Приглядевшись получше, удивилась: кто ж ходит летом по ягоды в меховой шубе?

Додумывала Оля уже на бегу, что в её положении было крайне рискованно, но и медлить особо не стоило: счастье, что медведь – а это был именно он – лакомился ягодками с наветренной стороны и не учуял за спиной человека. Конечно, в августе зверь уже сыт, но кто ж знает наверняка? А вдруг это – медведица с пестуном?

Оля бежала, не чуя под собой ног, крепко вцепившись в ручку корзины. Вывалить малину на землю ей даже в голову не пришло.

Уже дома начались схватки и роженицу увезли в роддом села Перемское, где она благополучно разрешилась от бре-

мени светленьким горластым мальчонкой.

– Надо бы сына Мишкой назвать, – шутил отец, – да только нам в семье одного Мишки достаточно.

– Да уж, Олька, двух Мишек благодари, – вторила зятю баба Дуся, приехавшая навестить роженицу.

Вот так это и получилось, как-то очень уж быстро: первого августа зарегистрировали брак Погадаева Михаила и Трембовецкой Ольги, а второго родился их сынок Владюшка. Да, умели старые партийцы, воспитанники товарища Сталина, делать свою работу быстро, хоть и не всегда качественно.

Вскоре Михаил получил новое назначение, и семья переехала в Полазну – большой посёлок на берегу Камы, а спустя год у молодых родился ещё один сын, названный Валерием.

Владька

– Владик, ну-ка скажи, почему у тебя сегодня мамка всю ночь ревела? – мужик лукаво поглядывает на меня, пряча в бороде усмешку. Его волосы, как снежком, припорошены опилками – бригада вятских плотников ставит у нас в посёлке барак.

Я, естественно, не знаю, что ответить, ведь всю ночь крепко спал с бабушкой на кухне и ничего такого не слышал. Да и не мамка она мне, а вовсе чужая тётка. Ну и что с того, что отец велел её мамкой называть, мою-то маму я помню: красивая, весёлая – она вместе с братьями Юркой и Валеркой осталась где-то в Полазне, а нас с бабулей отец увёз на Платину...

– Ну, чего молчишь? Чего мамка-то ревела? – присоединяется к разговору второй мужик.

Я в сплошном недоумении: чего этим дядькам надо? Тогда из противоположного угла меня подзывает третий и, когда я подхожу, тихо шепчет:

– Да что ты, Владик, теряешься?! Ты им скажи: тебя всю ночь поеби, так и ты заревёшь.

И я громко на весь барак не просто говорю, а кричу:

– А тебя всю ночь поеби, и ты заревёшь!

Ответом мне служит гомерический хохот всей бригады, а я, не осознавая значения сказанного, довольный произве-

дённным эффектом, продолжаю играть с приятелями.

Вообще, Полазну я вспоминаю нечасто: здесь, на Платине, у меня уже появились друзья из местной малолетней шантрапы, и наша команда почти всё время проводит на стройке. Огромный барак ещё не поделён на комнаты, но уже подведён под крышу, потолок тоже сбит. Рабочие, разойдясь по разным углам, заканчивают стелить полы и делают перегородки.

Барак – самый большой в посёлке, и не с коридором, как это обычно делалось, а с отдельным входом с улицы в каждую комнату-квартиру. У каждой семьи свои сени, своя кладовка при входе. Строит барак большая бригада вятских плотников. Судя по тому, как ретиво мужики взялись за меня, моя новая мамка прибыла на Платину именно с ними.

Так продолжается изо дня в день: стоит мне появиться на стройке, вопрос повторяется в неизменном виде. Ответ тоже не заставляет себя долго ждать, затем следует оглушительный хохот, а я страшно горд собой, тем, что могу так лихо отвечать на вопросы взрослых мужиков.

* * *

Новая мамка, про которую спрашивали плотники – уже не первая в моей жизни: однажды, после очередной поездки в Свердловск папа привёз мне «маму с двумя братиками». Где он откопал это сокровище, для меня так и осталось тайной.

Бабуля очень переживала, и, как оказалось, не зря. Однажды, оставив меня на попечение «папиной жены», бабушка

отправилась в Свердловск: со здоровьем у неё не всё было в порядке, намечалась операция. Думаю, поэтому она и переживала, оставляя меня на «новую маму». В городе бабушка остановилась у своей сестры Анфисы – тёти Фисы, как мы её звали.

Поскольку прожила бабушка в городе достаточно долго, она выслала домой несколько посылок. После возвращения решила выяснить, что же из тех посылок перепало мне, и когда узнала, что ничего, состоялся её разговор с отцом. Не знаю, о чём они там говорили, но новую жену батя немедленно отправил туда, откуда привёз. Вместе с «братиками». Характер у бабули был очень мягкий, но не тогда, когда обижали меня.

* * *

А где же моя родная мама?

В Полазне, откуда мы переехали на Платину, случилось происшествие, круто изменившее существование всей нашей семьи.

Проживали мы на первом этаже большого двухэтажного дома, в котором кроме нас и соседей обитали целые полчища крыс. Наша с бабушкой кровать, а спали мы с ней вместе, находилась справа от входной двери. Как-то я проснулся поздно ночью и в тусклом свете висевшей у двери лампочки увидел, как какие-то серые зверьки вылезают из-под пола и бегают по комнате. Их было так много! Слегка попискивая, зверьки шныряли туда-сюда, видимо, в поисках пропитания,

а я, в то время ещё не зная, что это крысы, долго, пока не уснул, наблюдал за их манёврами.

В это время в гости к нам приехала баба Дуся с двумя приёмными сыновьями: Николаем и Петром. Места в наших апартаментах было не лишка, потому бабулю уложили на пол, расстелив матрас. Ночью раздался страшный крик. Оказалось, что крыса укусила бабушку за нос, и баб Дуся, проснувшись и увидев, сколько их, естественно, перепугалась. Утром Коля и Петро, которые были значительно старше нас с Юркой и, по всему виду, имели опыт борьбы с этой напастью, начали охоту на крыс: к перекладине нашего большого стола приладили петли из проволоки и разложили приманку. Улов составил три или четыре крысы.

Братья отволокли их подальше от дома, облили керосином и подожгли – первый опыт уничтожения врага прошёл удачно. А вот на следующий день вышла осечка: одна горящая крыса добежала до дома и юркнула в подпол. Только чудо спасло дом от пожара. Ремня от бабки получили оба предпринимателя, но, как выяснилось, напрасно: оставшиеся крысы ушли, видимо, наученные горьким уроком.

* * *

В комнату на втором этаже, где жили соседи, вела крутая лестница. Вот с этой-то лестницы я и вертанулся, а, падая, поймал гвоздь, который воткнулся прямо под левую коленку. Через несколько дней нога распухла, поднялась температура, ходить я не мог – положили меня в больницу большо-

го города Молотов вместе с бабушкой Пашей. Мне сделали операцию и, по словам бабушки, убрали гноя с целое куриное яйцо. Как оперировали – не помню, а вот перевязки запомнил хорошо: меня клали на операционный стол и держали несколько человек, а я орал: «Тётенки, вы нехорошие!» Толстый усатый доктор забивал рану бинтом, пропитанным лекарством, а на следующий день, присохший, из раны вытаскивал. Боль была дикая! Бабуля плакала вместе со мной, а доктор приговаривал:

– Терпи, казак – атаманом будешь!

Однажды нас навестил отец, и они о чём-то долго разговаривали с бабушкой – бабуля опять плакала.

Я быстро шёл на поправку, вскоре меня выписали, и мы вернулись домой, но вот мамы с братьями там уже не было. Из разговоров взрослых я узнал, что мама, забрав Юрку и Валерика, убежала неведомо куда. А вскоре и мы с отцом и бабулей переехали на Платину.

Поселили нас в бараке на четыре хозяина. У каждой семьи имелась комната с кухней. Кухня с большой русской печью являлась также столовой, да и одна кровать вместились, опять же возле входной двери – наше законное с бабушкой место.

* * *

После переезда на Платину бабуля не оставляла попыток найти мою мать: переписывалась с соседями по дому, с какими-то друзьями отца. Наконец отправилась в Полазну пар-

ламентёром.

Вернувшись, рассказала, что некоторое время после бегства из дома мать с братьями скрывалась у подруги, а потом баба Дуся забрала их к себе в Ярино, где мать устроилась работать учителем начальных классов. Проучительствовала она ровно год, разбив немало линеек о Юркину голову – в том же году брат пошёл в первый класс – а затем вернулась обратно в Палазну и определилась на прежнюю работу – в санаторий.

Нам с отцом надеяться не на что: баба Дуся категорически против воссоединения семьи, да и Оля, похоже, нашла своё счастье с другим. Всё же не напрасно, видимо, отец её ревновал: папочка прилично поддавал, а, приняв на грудь, был крайне несдержан, ревнив – отсюда и боевой задор в разборках с женой. Иногда в приступах ревности отец по целой ночи держал мать под ножом.

Это была не единственная печальная новость – умер мой брат Валера. Его не то уронили, не то толкнули в детском саду. В результате травмы у малыша лопнул желчный пузырь, и пока врачи разбирались, в чём дело, время было упущено, спасти братика не смогли. Причина смерти выяснилась только при вскрытии. Для отца это известие стало сильнейшим ударом: он очень любил Валерку. Тот рос подвижным, бойким и, несмотря на то, что был на год младше меня, старался ни в чём мне не уступать и спуску не давать.

Мне бабуля привезла подарок: брат Юра, который к тому

времени уже ходил в школу, увидев у бабушки мою фотографию, забрал её себе и сказал, что будет хранить, а бабушке отдал свою в школьной форме – для меня.

* * *

Отцу после крушения надежд на возвращение жены стало, видимо, совсем невмоготу: уж пятый десяток, а прислонить плечо не к кому. И однажды он привёл в дом девушку значительно моложе себя, как потом выяснилось – на целых двадцать лет. Вскорости мне велено было называть её мамой, что я воспринял без большого энтузиазма – всё ещё ждал свою мать.

Присмотрел батя новую мамку в бригаде сезонных рабочих – вятских плотников

Как он, истинный партиец, не оформив развод с моей матерью, смог окрутиться с беспаспортной девицей – не знаю, но Чагина Анна Алексеевна стала Погадаевой, получила паспорт, а вместе с ним – возможность не вертаться в родную деревню Голодаиху. Так мой отец сделал из крепостной колхозницы полноправную гражданку Советского Союза.

Великий вождь и учитель товарищ Сталин, хоть и провёл до войны индустриализацию, но сделал это за счёт крестьянского населения: раскулачивали наиболее работающих хозяев и отправляли в никуда. Многие тогда оказались на строительстве заводов и «перековались» в рабочий класс – это соответствовало требованиям времени. Но после войны вопрос оттока населения из деревни, по моим предположени-

ям, встал очень остро и решился очень просто: коммунистическое рабство. Колхозникам не выдавались паспорта, а без паспорта уехать из колхоза было невозможно, так как в любом городе или рабочем посёлке требовалась прописка. Тех, кто по партизански покидал насиженные места без паспорта, возвращали обратно. Но была одна лазейка: когда в колхозе заканчивались полевые работы, и высвобождалась рабочая сила, можно было получить справку и на зимнее время, до начала весенних работ, уехать на заработки в город.

Строительство и подъём Платинского лесочастка, особенно его левой, промышленной, части осуществлялись именно такими сезонными рабочими, которые приезжали почему-то в основном из Кировской области. У нас их, правда, называли вятскими – видимо, не до конца народ принял переименование древней Вятки в город Киров. Зачастую мужики из одной деревни формировались в бригаду и подражались на строительство: среди них встречались очень приличные столяры и плотники. Шабашники строили бараки, в которых временно жили и сами, для новых рабочих лесочастка. Ставили частные дома – для тех, кто мог заплатить.

Были в таких бригадах и женщины, ведь стряпню и постирушки никто не отменял. Вот тут-то мой папаша и нашёл новую молодую мамку с интересным вятским говорком.

Хотя в России крепостное право было отменено царём Александром II, при Сталине оно было, пусть частично, реанимировано. Но, как оказывается, от него можно было

освободиться, и, как видим, одним из способов было удачно выйти замуж за истинного партийца.

На горе – колхоз, под горой – совхоз,

А мне миленький задавал вопрос...

Задавал вопрос, сам глядел в глаза:

– Ты – колхозница, тебя любить нельзя.

– Что колхозница, не отрицаюся,

И любить тебя не собираюся.

Я пойду туда, где густая рожь,

И найду себе, кто на меня похож.

* * *

Все эти воспоминания вихрем проносились в моей голове, а глаза тем временем цепко шарили вокруг в поисках подходящей деревяшки: мне очень хотелось деревянный наган с резинкой, который стрелял гнутыми из проволоки пулями.

Не найдя ничего подходящего, я отправился домой.

Дома застал отца за интересным занятием. На расстеленной газете лежали часы-ходики. Раскрыв коричневый фибровый чемодан с облезлыми углами, папа доставал и раскладывал на столе отвёрточки, щипчики и вовсе непонятные мне инструменты.

В свободное время он ремонтировал часы всему посёлку. Дома имелся целый чемодан миниатюрных инструментов и приспособлений, а также старых часов и механизмов, которые отец использовал в качестве запчастей.

Затаив дыхание, следил я за точными и уверенными дви-

жениями его пальцев:

– Папа, а красить будешь? – отец умел растворять фосфор и наносить его на цифры и стрелки, превращая обычные ходики в светящиеся.

– Сегодня, наверно, не успею.

– А завтра будешь?

– Завтра буду.

– Ну, хорошо, только без меня не делай.

– Да уж, конечно, куда ж без тебя.

* * *

Но назавтра я заболел. Поднялась высоченная температура. Бабушка сбегала за фельдшерницей тётёй Аней, матерью моего друга Юрки Лебёдкина.

– Да успокойтесь Вы, Прасковья Григорьевна, Бог даст, обойдётся...

– Да как же, Анечка! – зашептала бабуля. – Ты ж ничего не знаешь! Помнишь, в прошлом годе цыганка тут ходила? Гадала нам с Владюшкой. Нагадала мне, что доживу до восьмидесяти семи лет и помру в Христов день на Пасху. Да не обо мне речь-то! Про Владюшку сказала, что линия у него на ладошке какая-то. Как только соединится она с линией жизни, так и конец, да и вообще навряд до тридцати годков дотянет ...

– Да слушайте вы этих цыган больше: соврут – не дорого возьмут! Гнали бы её со двора! А Вы, поди, ещё и денег дали? – возмущалась тётя Аня.

– Денег не дала – продукты. Да она допреж того взяла-то. Ну, а уж потом-то, конечно, выгнала, да что толку: теперь, чуть он заболит, ручку смотрю – не сошлись ли линии-то...

И, действительно, бабуля, которая и так надышаться на меня не могла, страшно пугалась всякий раз, когда я болел. А поскольку ребёнком я был хилым – переболел всеми детскими болезнями, какие только были – боялась она практически постоянно и постоянно внимательно всматривалась в мою ладошку.

Однажды, ещё в Полазне, я заразился корью. Через Юрку – он притащил инфекцию из санатория, где работала мама и где в то время был карантин. Причём, сам-то не заболел – вот какая хитрая зараза эта корь. Болел я тяжело, а потом ослеп на оба глаза: на них оказались бельма. Лечили народным способом: сахар перетирали в пудру и засыпали в глаза. Боль страшная! Бабушка намучилась со мной: ночами я не мог уснуть и всё время плакал. Бабуля брала меня на руки и носила по комнате. Путь был только один: от двери до окна да обратно. Когда идём к окну – сплошная темнота, когда к двери – вижу тусклый свет: висевшая у двери лампочка просвечивает сквозь бельма. Не знаю, сколько сыпали мне в глаза эту сахарную пудру, но один глаз стал видеть полностью, а другой – чуть-чуть. Бельмо полностью не свелось, и напротив зрачка осталось «облачко» – так сказал доктор.

А ещё – косоглазие, сильно осложнившее мою жизнь: впоследствии мне кулаками приходилось доказывать обидчи-

кам, что дразнить меня не стоит. В драку кидался не раздумывая.

Вот и в этот раз бабушка с тётёй Аней, столкнувшись лбами, внимательно рассматривали мою руку.

А температура всё не спадала! Через несколько дней к ней присоединился сильный кашель. Послушав и простукав меня со всех сторон, тётя Аня сказала, что есть подозрение на воспаление лёгких.

Бабушка, в очередной раз проявив характер и сломив сопротивление отца, повезла меня в Свердловск. Не знаю, кто посодействовал, но меня, уже тяжелобольного, положили в институт охраны материнства и младенчества. Одного, без моей бабули! Навещала меня там Людмила, младшая дочь тёти Фисы. Не помню, сколько я пролежал в больнице, наверное, не меньше месяца! Задница распухла от уколов так, что больно было сидеть. Медсёстры йодом рисовали мне на ягодицах сетку, объясняя, что так следы от уколов заживут быстрее. Меня чрезвычайно смешило и новое слово – ягодицы, и узоры на ж... Значит – пошёл на поправку.

И вот день выписки. За мной приехала Людмила и повезла домой, на улицу Шейнкмана, девятнадцать, где они всей семьёй проживали в подвале большого красивого дома. Жильцы его, как видно, были не из простых: на скамейках во дворе почти всегда сидели видные тётеньки в нарядных пальто и шубах и прятали руки в красивые меховые муфты. Зимой во дворе заливали каток, на котором ребята играли в хоккей,

да и просто катались на коньках. Дом был огромным, двор – широченным. Вот только тётке Фисе и дяде Гане, её второму мужу, досталась одна небольшая комнатка в подвале, да и то потому, что он работал дворником в этом важном доме.

Я знал, что до революции дядя Ганя, обладавший уникальным – так говорили все – голосом, пел в опере. Как случилось, что он оказался с метлой и лопатой, мне никто не рассказывал, да я и не интересовался. Да и поливать двор из огромного шланга мне казалось гораздо интереснее, чем петь песни. В этом огромном дворе дядя Ганя был, без сомнения, главным.

Людмила очень быстро доставила меня до места, так как ОММ – так называлась эта больница – находилась недалеко от их дома. Раздевшись, я оглянулся и оторопел: напротив меня сидели две бабушки, абсолютно одинаковые и лицом, и фигурой. Я мгновенно юркнул под стол и оттуда пытался определить: которая же из них – моя?

В комнате стоял хохот, а я испуганно выглядывал из-под стола и, переводя взгляд с одной бабушки на другую, пытался узнать свою, и только когда они заговорили, упрасывая меня вылезти, по голосу понял, которая из них – моя. Голос у бабы Анны был низкий, грудной, в остальном же близняшки были похожи друг на друга как две капли воды.

* * *

В одну из наших поездок в Свердловск бабушка привела меня на могилу деда, который был похоронен на Михайлов-

ском кладбище. Поплакала. Я спросил, от чего он умер. Бабуля ответила, что от дурной болезни. Я не понял: а разве бывают болезни умные?..

Заветная папочка

Почему станцию называли Платиной, я позднее узнал у местных пацанов: когда-то в этих местах добывали платину, которая гораздо дороже золота. Те же пацаны показали мне множество заросших ям-шурфов в окрестных лесах. Сам посёлок был разделён железной дорогой на две части. Правая сторона, ближе к Верхотурью – старые дома, построенные ещё до войны, понятно, что в них жили, в основном, справные хозяева; барачков здесь было мало. А левая – бараки и промышленная зона: склады круглого и разделанного леса, гараж, конный двор, сбитый из досок цех для производства тарной дощечки и пилорама. Все эти помещения не отапливались, и в морозную погоду в них стоял лютый холод.

Вообще, жизнь на Платине для нас, мальчишек, была интересной. Хоть тут и не было такого большого пруда, как в Полазне – на него меня иногда таскал сводный брат Юрка – имелось много чего занимательного. Грузы на складах перевозились лошадьми, и конный двор со стоящей рядом кузницей были любимым местом игр для меня и моих старших друзей. Да ещё стройка, где мы пропадали целыми днями, и где всегда можно было подобрать что-нибудь чрезвычайно нужное и полезное: узкую длинную щепку для сабли или подходящий обрезок доски для пистолета или поджига.

Отец работал то ли мастером, то ли десятником. Был даже

руководителем партячейки лесоучастка, правда, народу в ячейке было немного – всего несколько человек.

* * *

Я навсегда запомнил один случай. У отца имелась заветная картонная папка с тесёмками, в которой он хранил вырезанные из газеты «ПРАВДА» картинки. Трогать её не дозволялось никому. Вечерами отец прочитывал газету, а затем аккуратно вырезал из неё фотографии, складывал в папку, тщательно завязывал тесёмки и прятал на верхнюю полку шкафа. Газета же отправлялась туда, куда положено – в сортир, и там уже использовалась по прямому назначению.

Я, как и всякий ребёнок, картинки рассматривать любил, тем более что детских книг в доме не было. Да и у кого они тогда были? И меня раздирало страшное любопытство: что же за чудесные картинки там, в этой запретной папке?..

Однажды, уловив момент, когда отца не было дома, а бабушка возилась на кухне, я, соорудив пирамиду из табуретки и фанерного ящика, добрался до верхней полки, вытянул папку, дрожа от нетерпения, развязал тесёмки и, сидя прямо на полу, принялся рассматривать содержимое. На вырезках были какие-то дядьки: усатые, бритые, в смешных круглых очках, в пиджаках и мундирах с погонами. Больше всего, конечно, мне понравились те, что были в фуражках с кокардами, в мундирах, увешанных орденами и медалями.

Не знаю, сколько времени я провёл, разложив на полу вокруг себя эти фотографии, как вдруг стукнула дверь, и на по-

роге возник отец. Как это частенько бывало, под турахом. И что он видит? Его сынок вытащил дорогую сердцу папочку, разбросал бесценные картинки и топчется, и ползает по все-народно любимым рожам. Враз протрезвев, папа вытащил из галифе широкий солдатский ремень, благо, после войны этого добра хватало, и давай охаживать меня по заднице. Бабушка бросилась на защиту, но где там...

– Ты – на коммуниста? – папаша задохнулся от ярости.

Выпустив пар, он бросил ремень, сел на лавку, опустил сжатые в замок руки промеж колен и с каким-то даже стоном выдавил:

– Да что же вы творите, ироды? Да мы из-за этого паразита всем скопом по этапу пойдём...

На следующий день бабушка распустила закатанные по локоть рукава: разъярённый сынок исхлестал ей все руки, которыми бабуля пыталась прикрыть меня.

На этот случай я теперь, спустя годы, смотрю по-другому. Каждый партиец, и это правило соблюдалось до распада КПСС, обязательно должен был выписывать газету «ПРАВДА». Это был закон: если у тебя, партийца, нет денег на хлеб – умри, но найди их на «ПРАВДУ». А после того, как ты её прочёл, а это была ежедневная газета, куда она уходила не только в деревне, но и в городе? Правильно, в сортир, ведь задницу надо было чем-то вытирать. Интересно, чем её вытирали до всеобщей грамотности? А если в газете напечатаны портреты наших выдающихся руководителей: товари-

щей Сталина, Ворошилова, Молотова и многих других? Что делать? Правильно, вырезать! Не то вытрешь задницу портретом товарища Сталина, а кто-то из односельчан найдёт в нужнике использованный клочок с изображением вождя – и кирдык тебе! Поэтому мой батяня всё это аккуратно вырезал и складывал в заветную папочку.

* * *

Отец частенько возвращался домой под утро. Объяснялось это обычно тем, что ждали какую-то важную директиву из райкома, который должен получить её из обкома, который должен получить её из Москвы от товарища Сталина, который любил работать по ночам. Прямо «дом, который построил Джо» – дядюшкой Джо называли Сталина американцы. При этом утренний выход на работу не отменялся. Однажды отец пришёл на рассвете и торжественно объявил, что отныне ВКП(б) переименована в КПСС, в связи с чем будут меняться партийные билеты, а, значит, состоится очередная чистка партийных рядов. Что такое чистка, все понимали без объяснения.

Летом через Платину в сторону Верхотурья и Серова часто проходили составы с теплушками; на их открытых дверях стояли решётки: это гнали этапы на север области – в лагеря. Теплушки были заполнены заключёнными, и мы с ребятами – из любопытства – во время стоянок подходили к ним, но тут же разгонялись вертухаями. Иногда кто-то из старших пацанов передавал зэкам буханку хлеба, но на этом

всё заканчивалось, так как нужно было немедленно удирать.

Самое большое количество лагерей военнопленных Великой Отечественной войны находилось на Урале, а конкретнее, в Свердловской области. Уралу суждено было стать не только опорным краем державы, но большим лагерем для заключённых, среди которых, как известно, были не только враги и предатели. Заключённых лагерей в государственной статистике именовали «тудармейцами».

Хорошо помню март 1953 года, когда умер Сталин. День был тихий, морозный и очень снежный, словно сама природа тихо оплакивала его уход. Вдруг тишина взорвалась продолжительными гудками нашего лесоучастка и паровозов, которые медленно ползли через станцию.

* * *

А время неуловимо текло, наполняясь значительными и второстепенными событиями. Приехал познакомиться с зятем отец Анны и прогостил у нас долгое время. Следом за ним прибыл её брат Пётр, которому мой отец каким-то образом помог устроиться на работу. А мне подошло время идти в школу.

Никогда не забуду свою первую учительницу – Стихину Александру Фёдоровну, милостивую одинокую женщину, в то время ещё довольно молодую, с копной густых, но совершенно седых волос. Видно, война прошла и по ней.

Жила Александра Фёдоровна в той же школе, в небольшой комнатке, которая одновременно являлась и учитель-

ской. Была она в меру строга, требовательна, но никогда не повышала голос в ответ на наши, иногда очень дерзкие, выходки.

В классе были собраны ребята от семи до десяти лет – вследствие войны. Несмотря на разницу в возрасте, мы быстро сдружились группами, которые, как везде и всегда, периодически приходили в столкновение друг с другом.

В связи с быстрым ростом населения лесоучастка количество классов увеличилось до четырёх, а так как классных комнат было две, в школе появилась вторая учительница. Обучение пошло в две смены.

Таёжный промысел

Лесоучасток работал в три смены – страна нуждалась в стройматериалах, ведь война закончилась совсем недавно, и нужно было восстанавливать разрушенное хозяйство.

Зарботки рабочих были не слишком высоки. Более-менее высокооплачиваемыми считались лесорубы – вальщики леса, также те, кто этот лес трелевал, и кто вывозил с делянок – водители лесовозов.

Лес с делянок возили на газгенах – машинах, оборудованных газогенераторными установками. В один из бункеров установки засыпали дрова – мелкие чурочки или отходы деревообработки – там они перегорали; назначение второго, за малостью лет, я не понимал. Водитель делал рейс на делянку, возвращался, снова забивал бункер этими дровами, брал с собой в рейс ещё пару мешков, набитых чурками – это был его бензин.

Имелся в гараже непонятно как оказавшийся там студбеккер, но его использовали только по особо важным случаям.

Трелевали лес сначала на лошадях, затем на лесоучасток стали поступать в небольшом количестве трелёвочные и обычные трактора. Восторгу наших работяг, да и нашему, малышни, не было предела!

Зимой, когда замерзали дороги, занимались, в основном,

вывозкой и разделкой древесины. В тёплое время года валка леса значительно увеличивалась, но, несмотря на это, многие работники всеми правдами и неправдами старались в сентябре уходить в отпуска. А причина была у всех одна – Платина окружена множеством кедровников: старый Батман, который находится всего в трёх километрах от посёлка по обеим сторонам железной дороги, Тагильское болото, Черновское. Неплох Токмыш в семи километрах от Платины, но особенно хорош был Ольчик, молодой кедровник, который тянулся до самого Красноуральска. Правда, ходить туда за кедровыми шишками категорически запрещалось, так как в районе станции Карелино размещался полигон, где отрабатывали зенитные орудия. Стреляли по мишеням – муляжам, которые тащились «на прицепах» за самолётами, а всё, что оставалось от разрывов зенитных снарядов, сыпалось как раз на этот кедровник. Но кто же остановит наших людей, если в кедровнике полно шишек, а шишки – это о-о-очень приличные деньги, иногда даже целая годовая зарплата! Многие семьи возами везли их домой, а затем и на продажу, а до этого по целому месяцу жили в лесу, занимаясь исключительно заготовкой орехов и ягод.

Нам, детям, ходить в эти места запрещалось, да и расстояние до хороших кедровников было приличным, за исключением старого Батмана. Откуда только на Урале взялось это «балетное» название? На нашу долю оставались одиночные кедры, которые часто росли на покосах, особенно в направ-

лении колхоза «Новая Тура». Вот с этих-то кедров, а также с Батмана началось моё знакомство с добычей кедровых шишек.

Как-то раз в августе мы играли во дворе, и кто-то из ребят проговорился, что его отец притащил шишки – именно с Батмана. Реакция на сообщение была вполне здоровой: компания проголосовала «за». Вот только как на эти кедровые шишки обратиться? Решение созрело мгновенно: нужно взять с собой молоток и большие гвозди. Гвозди будем вбивать в ствол – так доберёмся до толстых веток, а там уже совсем просто! И вот мы, человек пять, дружно устремились по железной дороге на Батман. Шли очень весело: с шуткам и смехом. Уже совсем было подошли к кедровнику, как вдруг с левой стороны дороги выскакивают несколько человек с мешками. Глаза выпучены! Среди них – мой отец. Всё! На этом наше путешествие закончилось.

Оказывается, произошло вот что: по пути с работы, прихватив с собой когти, мужики тоже отправились промышлять на это болото. Обилие кедровых шишек, как вдруг тот из них, кто лазил на деревья и сбивал шишки, увидел на одном из кедров медведя, который тоже занимался шишкованием. И мишку, и этого любителя-верхолаза моментом смело на землю. Медведь, напуганный криками, кинулся в одну сторону, а мужики, похватав свои мешки с шишками – в другую – к железной дороге. А тут и мы нарисовались. Стоит ли говорить, что всё опять закончилось ремнём.

Тем не менее, через несколько дней отец принёс мне небольшие когти, которые заказал в нашей кузнице. Он ведь знал, что я всё равно буду заниматься этим промыслом, поэтому решил сам «натаскать» меня.

Первое испытание моих когтей, да и меня самого, прошло на Тагильском болоте. Кедровник этот очень старый, кедровые толстые, но я справился с делом успешно: отец тащил домой полный мешок, да и мой сидор за плечами был полон. Обратную дорогу он предложил прокладывать мне – я и тут удачно справился. Да это и неудивительно: часто после работы мы брали корзины и вместе летели за грибами, благо в лесах вокруг Платины их было полно. Поэтому я очень быстро научился ориентироваться в тайге и не блудил. Это умение осталось со мной на всю жизнь, правда, будучи уже в зрелом возрасте, я как-то дважды за один и тот же год плутал на Севере, но об этом – позже.

* * *

В этом же году отец разрешил мне уйти за орехами с ночевой, в компании троих взрослых. Уже под осень. Не помню, что это за место, но кедровник там был замечательный: как старые, толстые кедровые, так и молодняк. Шишка уже «шла на колот», значит происходило это где-то после двадцатого августа..

Дни стояли прекрасные, солнечные, а ночи – довольно прохладные. Мы поставили свой стан только тогда, когда нашли нетронутый абсолютно никем участок. Мне достались

толстые кедры. При помощи когтей я взбирался на деревья и сбивал шишки с веток – задача довольно непростая. Мужики же обколачивали молодой кедровник – так я впервые познакомился с технологией колота. Что такое «колот»? Это такой способ добычи кедровых шишек, когда два человека бьют вдоль по стволу кедра бревном-«колотом», и шишки от удара осыпаются на землю. Впрочем, в разных местах Урала и Сибири конструкции «колота» разные, но принцип – один и тот же. Работа не для слабосильных, тем более что в августе шишки держатся ещё достаточно крепко. Тем не менее, к вечеру, когда начало смеркаться, у кострища была навалена уже целая гора шишек.

Мне поручили заняться костром и помочь в приготовлении ужина: тушёнки с картошкой и белыми грибами, которых обычно много в это время года.

Пока мы с одним компаньоном хозяйничали у костра, двое других делали мельницу для переработки шишек, потому что тащить их, нешелушёные, на себе в такую даль – пуп сорвёшь. Так я узнал, как без единого гвоздя, при помощи шпагата, в течение максимум полутора часов делается из тонких еловых стволов мельница-шишкодробилка: она напоминает стол, собранный из жердей, с бортиками из тех же жердей по краям. Получается такое плоское щелястое корыто на ножках. Ножки «стола» забиваются в землю.

К тому времени, как мужики наладили мельницу, поспел ужин. После ужина начали перерабатывать шишку. Делалось

это так: в «корыто» высыпали примерно полмешка шишек, под «корыто» подстлали брезент; два человека стояли по сторонам и берёзовыми вальками разбивали шишки, а ещё двое «садились на сита» – раздробленные шишки просеивать. Сит, которые мы принесли с собой, было два: сначала просеивали через крупное, затем через мелкое. В результате оставался чистый неповреждённый орех. Когда часа в два ночи, уже при свете костра, процесс был завершён, все упали спать.

Если учесть, что из дому мы вышли примерно в шесть утра, часа два с половиной топали до кедровника, а потом с редкими перерывами на отдых работали до двух часов ночи, получится, что вкалывали мы, с перерывом на ужин, двадцать часов! Так я впервые узнал, что значит добывать кедровый орех, и впоследствии это знание очень пригодилось мне в жизни.

Утром, позавтракав остатками вчерашнего ужина, разложили добычу по мешкам и двинули в обратный путь. Чертовски уставший, еле-еле волоча ноги, я нёс сидор, в котором впервые лежали не шишки, а орехи, и не просто орехи, но и бесценный опыт по их добыче, а также доказательство того, что отныне меня можно брать на промысел! Особенно туда, где кедрач смешанный: молодой и старый. Ведь на старых кедрах и шишка крупнее, и больше её, вот только обколачивать их довольно сложно, куда проще запустить верхолаза, да ещё такого, который, как я, не боится высоты!

* * *

Так произошло моё крещение кедровниками. Через год буквально я знал практически все кедровники в радиусе десяти километров от посёлка и во всех побывал. Особенная привязанность была у меня к Токмышу, который находится километрах в семи от Платины. С левой стороны от него – Яранкин бор. Но бор – это одно название, к тому времени он был практически весь вырублен.

С Токмышем меня познакомил отец: я лазал по кедрам и сбивал шишки, он внизу их собирал. Когда я оказывался наверху, то находил где-нибудь на расстоянии богатый кедр, кричал сверху отцу и бросал в нужном направлении шишку, а отец запоминал. Затем это же повторялось уже на другом дереве. Набив полные мешки, мы двинули домой. Вёл, естественно, отец, но вдруг почему-то потерял направление. Может, потому, что кедры мы обивали бессистемно, по моим «указаниям сверху». Я, почувствовав неладное, пытался его переориентировать, но это было бесполезно. Наконец, убедившись, что мы идём не туда, отец доверился мне и подчинился, а когда я вывел его на ту везиру (просеку), по которой мы заходили в лес, понял, что может спокойно отпускать меня в тайгу одного – и был прав. После этого случая я стал совершенно самостоятельным таёжником: заходя в лес, сколько бы ни кружил, спиной чувствовал, куда надо будет выходить.

Позже вместе со мной в лес стал ходить Славка Латышев,

отец которого приятельствовал с моим. Славка был на год моложе меня, но это не мешало ему стойко переносить нагрузки. Правда, он не лазал на кедровые шишки, а только собирал шишки, но уставали здорово оба. Шишки, которые мы начинали сбивать в начале августа, были в это время года ещё очень тяжёлыми из-за находившейся в них живицы и дозревали на сеновале. Уже под осень бабушка их шелушила.

Орехи, а также собранные бабулей ягоды: бруснику, чернику, мы с нею везли в Свердловск на базар, продавали, а на вырученные деньги покупали мне шевиотовый костюм – школьной формы у нас тогда ещё не было, её ввели позднее – телогрейку, кирзовые сапоги, и в этом прикиде я отправлялся в школу.

* * *

Жаль только, что хорошие урожаи кедровых шишек, как и Олимпийские игры, бывают раз в четыре года. Нет, кедровники плодоносят в том или другом месте каждый год, но вот обилие урожая случается именно с такой периодичностью.

В тот год, о котором я рассказываю, урожая не было. Мы со Славкой, как обычно в конце июля, обошли ближайшие кедровники – большинство кедров стояли «голыми», а с тех, где хоть что-то было, мы знали, нам не достанется ничего: унесут кедровка или белка. Совершенно случайно оказались на переезде через железную дорогу, что находится в километре от Платины. Здесь рос одинокий кедр, какие часто можно встретить на покосах. В прошлые годы он не плодо-

носил, а в этом шишки были. Лазать на такие кедровые деревья несложно, так как их толстые ветки расположены недалеко от земли, не то, что в кедровнике, где при недостатке солнечного света нижние ветви быстро отмирают, и потому взбираться на дерево без когтей очень трудно.

Решили, что шишку нужно забрать, хоть она и не очень спелая. Такие шишки можно сварить и, когда живица выварится, вышелушить орехи.

Я залез на кедр и начал, раскачивая ветки ногами, сбивать с них шишки. Так добрался до самой вершины. С одной из веток шишки никак не падали: не поспевшие, они держались крепко. Тогда я, чтобы раскачать эту ветку ещё сильнее, стал отходить по ней от ствола, придерживаясь за другую, верхнюю, и продолжая раскачиваться. Раньше я проделывал такое частенько и всегда удачно, но в этот раз не повезло: обе ветки обломились, меня каким-то образом развернуло, и я полетел вверх ногами. Мелькнула мысль: если сейчас ударюсь головой – всё, конец. Как кошка, в полёте успел вывернуться, перекинуть ноги и тут же встретился с землёй. Удар приняла спина, больше всего правая сторона. Сознания не потерял, но дышать мог только мелкими глотками. Если пытался вдохнуть глубже, нестерпимая боль пронзала всё тело.

Пролежал не менее получаса, Славка был рядом.

Потом стали потихоньку добираться домой. Славка изо всех сил помогал мне, почти тащил на себе.

Конец лета был испорчен.

В сентябре, с началом учебного года, а учился я тогда уже в Верхотурье, так как у нас на лесоучастке была только начальная школа, прошёл рентгеновское обследование, но ничего серьёзного обнаружено не было. Физкультурой мне после этого падения года два заниматься было трудно: при больших нагрузках и глубоком дыхании появлялись боли с правой стороны груди. Со временем всё прошло.

Про добычу кедровых орехов, кедровники и приключения в них я могу рассказывать до бесконечности, но я снова забежал вперёд, и пора вернуться к школе и другим событиям моей жизни на Платине. И одно из главных – то, что после плача по ночам, как утверждали вятские ребята, моя новая мама начала вдруг округляться, как бы толстеть, а в ноябре пятьдесят пятого года у меня появился брат. Назвали, не мудрствуя лукаво, Валерой. И начались беспокойные ночи: уж больно шибко он ревел!

А я заканчивал начальную школу-четырёхлетку на Платине. Перспектива – станция Верхотурье, где в Привокзальном посёлке открылась школа-десятилетка №46. Вот туда бабуля и решила устроить меня с пятого класса.

Красная горка. Лето 1957 года

После успешного окончания четвёртого класса отец в первый и последний раз отправил меня в пионерский лагерь.

«Красная Горка» в селе Красногорское. Очень живописное место ниже по течению Туры. Одно из старейших на Урале русских поселений, которое было основано ещё казаками атамана Ермака Тимофеевича.

В 1738 году в Верхотурье случился большой пожар. Церковное имущество и иконы были вынесены из горящего Троицкого собора на берег Туры за крепостную стену. Икона Нерукотворного Спасителя упала в реку и по течению приплыла в село Красногорское. В дальнейшем усердием купца Петра Пинягина для неё в селе Красногорском была построена часовня.

Сбор пионеров был организован в городе Верхотурье, на площади у Свято Троицкого собора. Машину ждали долго, до второй половины дня. Погода стояла жаркая, очень хотелось пить. Справа от храма располагался киоск, в котором продавали лимонад. Отец купил мне бутылку, и я впервые в жизни попробовал, что это такое. Показалось, что ничего вкуснее в жизни не пил, да и не может быть ничего вкуснее!

Наконец подошла бортовая машина, обыкновенный грузовик, и нас, пионеров, погрузили в кузов как дрова: сидеть на лавках-временках, которые крепились к бортам крюками,

детям было запрещено по соображениям безопасности, чтоб не выпали на ухабах за борт. Через несколько часов езды по сельским грунтовым дорогам, отбив задницы об пол кузова, мы прибыли к месту расположения.

Это были два больших барака: один для мальчиков, стало быть, мужской, другой для девочек, значит – женский. Перед ними находилась площадь с мачтой: там проводили утреннюю линейку и поднимали флаг. На линейке председатель совета отряда и звеньевые рапортовали начальнику лагеря о состоянии дел в отряде. Вот тут я снова попал в начальники – стал звеньевым.

Не знаю почему, но в школе, да и вообще по жизни, меня всегда пытались назначить пусть небольшим, но руководителем. То ли выражение лица у меня было такое, то ли какие-то черты характера. Вот только ожидания вышестоящего руководства я не всегда оправдывал, так как организовывал не то, чего от меня ждали.

Жизнь в лагере мне, честно говоря, очень понравилась, вот и по истечении стольких лет вспоминаю это событие с удовольствием. Мы купались в Туре, участвовали в спортивных мероприятиях, ходили в походы и, конечно, в кино.

Кинотеатр размещался в церкви, стоявшей как раз рядом с площадью, на которой проводились наши линейки. Точнее сказать, это площадь располагалась при церкви или перед церковью, но система ценностей и оценок в то время была смещена всё-таки в сторону площади, тем более, такой, на

которой каждое утро проводили линейку и поднимали красный флаг! На церкви не было крестов, но росписи внутри храма сохранились отменно, и мы с любопытством рассматривали лики святых.

Мне до сих пор непонятно, зачем было устраивать в таких прекрасных зданиях то склад, то клуб, то чёрт знает что! Неужели большевики не понимали: со временем это сыграет против них, что впоследствии и произошло. Видимо, были уверены, что свежеиспечённые коммунистические идеи перешибут и переживут тысячелетние христианские заповеди. Осознание того, что православная культура есть большая часть общечеловеческого культурного наследия, тогда ещё проникло не во все уголки нашей огромной страны, хотя Великая Отечественная Война значительно изменила отношение власти к православию. После встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем в отношениях между государством и церковью начался новый этап, на котором государственная власть решила использовать возросший авторитет церкви в собственных целях. Иосиф Виссарионович Сталин высоко оценил патриотическую деятельность Русской православной церкви в условиях войны и поблагодарил её представителей за внесение в фонд обороны ста пятидесяти миллионов рублей, собранных за счёт пожертвований верующих, а в ноябре сорок третьего года Совнарком СССР принял постановление «О порядке открытия церковей».

За несколько дней до окончания смены весь наш лагерь мобилизовали на прополку капусты – в помощь колхозу, на базе которого и был организован пионерлагерь. Пластались мы на этой плантации несколько дней, но задачу выполнили на отлично: сорняк выдрали весь. Да и как не выдерешь, если за тобой бдительно следят все воспитатели и вожатые.

Я вот сейчас, когда встречаю автобусы в сопровождении полиции и скорой помощи, транспортирующие в лагерь отдыха нынешнее поколение, измученное тяжким трудом поглощения знаний, думаю: если отправить их в тот пионерлагерь, где отдыхал я, много ли отдыхающих осталось бы к окончанию летнего сезона? Да ещё без интернета?! А представьте реакцию родителей! Ну, это я так, к слову...

В лагере нам нравилось. Никто ничем не возмущался. Родительский день проходил прекрасно, отъезд родителей – тоже. Вся разница в транспортировке между нами и родителями заключалась в том, что они ехали на таких же бортовых машинах, только на деревянных сиденьях, которые цеплялись крючьями за борта. После пионерлагеря мой «отдых» продолжился на сенокосе.

Сенокос

До начала занятий в Верхотурье, в июле, отец, которому была поручена заготовка сена для конного двора, взял меня на покос. Покосы для лесоучастка были выделены далеко, километрах в пятнадцати-двадцати от посёлка, зато большие по площади и довольно чистые, без зарослей кустарника. Предварительно на место направили бригаду, которой поручили подготовить базу: поставить большую палатку, сбить нары, оборудовать летнюю кухню, наколоть дров. Несколько дней спустя и заготовители отбыли на стан двумя телегами, взяв с собой конную сенокосилку. Я впервые оказался полноправным членом такого большого и взрослого коллектива, и это было мне очень приятно.

Так как выехали из посёлка ближе к обеду – почему-то слишком долго собирались – на место прибыли уже под вечер. Сколоченные из жердей нары, на которых нам предстояло спать, были щедро застелены свежим сеном и матрацами, набитыми им же – запах стоял одуряющий. Сущий рай, если бы не комары, но нам, уставшим с дороги – ведь многие шли пешком – даже они не были помехой.

Утром, после завтрака, приступили к работе. Отец, видимо, зная способности каждого, расставил косарей друг за другом в определённом порядке. Запустили и конную косилку, выделив под неё большой чистый участок. А я впервые

взял в руки литовку, которую батя, оказывается, приготовил специально для меня. Соответствие размера косы росту косца определяется количеством кулаков, которое можно разместить на её лезвии. Это как в мультфильме «38 попугаев»: там длина удава измерялась в попугаях. Здесь же коса называлась восьмиручка, десятиручка и так далее. Так на одиннадцатом году жизни я получил первые уроки косьбы и за несколько дней работы неплохо их усвоил.

Первые два дня было нестерпимо тяжело, но мне не хотелось уступать взрослым, поэтому я старался изо всех сил. Приходя с работы и едва поев, сразу падал спать, комары меня даже не особо тревожили, так я уматывался. Отец обычно ложился позднее: взрослые перед сном ещё долго сидели у костра, пили чай, а иногда брагу или водку, которую не забыли прихватить с собой. Да и лошадь, запряжённая в телегу, регулярно курсировала между посёлком и станом, по мере необходимости пополняя запасы спиртного.

Я уже втянулся в работу и не так уставал, да и восстанавливаться на свежем воздухе стал быстрее.

Однажды ночью я проснулся от каких-то звуков и шёпота у себя под боком.

– Пап, кто тут ещё? – спросил я.

– Никого, тебе приснилось, спи, – шепнул отец.

Так как никто не ревел, я снова уснул.

Как после оказалось, папаня, не стесняясь большого количества подчинённых, приголубил какую-то девицу из тех,

что были в бригаде. Анны на стане, естественно, не было, да и не могло быть, так как она нянчила маленького Валерку, а на подходе был ещё и второй – Толик.

Сенокос на Урале длится обычно две-три недели. За это время надо скосить траву, высушить, сметать сено в стога, поэтому пластались все с раннего утра и до захода солнца. Погода стояла жаркая, дождей было немного. При таком темпе работы усталость накапливается быстрее, чем хотелось бы, поэтому в какой-то из дней я остался помогать на кухне.

В это время года, а особенно на природе, чай заваривают душистыми травами или смородиновым листом – за ним меня и отправили к небольшой речке, протекавшей неподалёку. Пробравшись через заросли мелкого кустарника и крапивы, я увидел большущие кусты чёрной смородины, сплошь усыпанные ягодами. Меня охватил охотничий азарт. Быстро нарвав листьев для чая, рванул на стан, вернулся обратно с ведром и набрал ягод больше полведра, на следующий день – заполнил его полностью и был командирован в посёлок, так как на стане хранить смородину было негде. Обратного похода я уже не вернулся.

Вот так закончилось моё первое обучение владению косой и вообще работам по заготовке сена.

Осенью, после сенокоса и продажи лесных даров на рынке Свердловска, меня, как обычно, обмундировали, и я отправился получать знания в школу №46 города Верхотурье. При школе имелся интернат, и вот нас, бедолаг из посёлков,

расположенных вдоль железной дороги и не имеющих школ-десятилеток, собрали в этом интернате.

Верхотурье. 1957 год

Новое трёхэтажное здание школы меня впечатлило, показалось огромным, интернат также пришёлся по душе. Неожиданно? Казалось бы, мальчишка из таёжного посёлка должен был растеряться и потеряться, но, во-первых, я не терялся даже в тайге; во-вторых, с Платины прибыл не один, а в составе целого коллектива одноклассников; в-третьих, очень быстро перезнакомился со всеми сверстниками, съехавшимися с других территорий района.

Особенно подружились мы с Витькой Козловым с разъезда «Актай», так как были примерно равны физически, ну, и по способности к озорству наши натуры тоже совпадали идеально. Скоро к нам примкнул и Коля Заплатин с нашей же Платины. Дом Заплатиных стоял на правой стороне посёлка, я жил – на левой, а, значит, по всем негласным законам мальчишеской жизни Колька был человеком из другого, как бы вражеского лагеря, но здесь, в Верхотурье, мы оба считались платинскими, и это нас объединяло. Кроме того, вскоре его семья переехала на разъезд «Коптяки», что расположен ближе к Серову, поэтому какие-то бывшие разногласия быстро стёрлись, и мы сдружились.

Немного погодя, наша троица стала инициатором и организатором всех художеств и развлечений в интернате. Естественно, все ребята нашего возраста примкнули к нам.

На тот момент у меня обнаружилась прекрасная память: я отлично запоминал всё, что рассказывал на уроке преподаватель, если, конечно, не баловался и не был с этого урока удалён, что частенько случалось. Поэтому учебники обычно даже не раскрывал.

После школы ребята и девчонки собирались в общей учебной комнате интерната и делали домашнюю работу. Быстро выполнив письменное задание – куда от него денешься – я доставал из кармана резинку с пульками, скрученными из бумаги, и начинал расстреливать задумчиво склонённые головы своих однокашников. Вероломно атакованные, они, естественно, тут же пытались нанести обидчику ответный удар своей артиллерией. Воспитатель быстро вычисляла организатора перестрелки, что, учитывая сложившееся у неё за этот короткий период времени определённое мнение обо всех обитателях интерната, было, в общем-то, несложно. Я получал по шее – существовал такой педагогический приём – и за плохое поведение, а также с целью обеспечить остальным ученикам возможность бесперебойно впитывать знания, удалялся с занятий, чего, собственно, и добивался. Вслед за мной, немного погодя, выметались и Колька с Виткой. Обеспечив себе таким способом свободное время, мы до ужина шли шататься по посёлку или убегали играть на какую-нибудь стройку.

Учебная неделя у нас была пятидневной, и каждую пятницу, после окончания уроков, мы на электричках отправля-

лись по домам, а в воскресенье днём возвращались обратно. Бабушка давала мне на билеты десять рублей. После денежной реформы шестьдесят первого года это стал один рубль.

Получив деньги на проезд, билеты мы, конечно, не покупали и бдительно следили, чтобы не попасть в капкан ревизорам, которые начинали обход либо с первого, либо с последнего вагона. Обнаружив контроль, мы организованно отступали в середину состава, а на остановке выскакивали на платформу и перебегали в уже проверенный вагон. Проколов не случалось никогда, и тратили мы сэкономленные десять рублей уже на какие-либо свои радости в течение недели обучения.

Прибыв к месту дислокации и имея в запасе ещё полдня свободного времени, мы небольшим коллективом наиболее отчаянных парней шли в город Верхотурье. Напрямую – не по дороге – это было всего километра три.

Больше всего нам нравилось проводить время на берегу Туры, там, где за толстыми крепостными стенами Верхотурского кремля размещалась МТС. Внутри стен с давних времён были устроены проходы – идеальное место для игр.

Ещё мы очень любили забираться на стены Свято Троицкого собора, в котором тогда располагался какой-то склад. На куполе колокольни и одном из куполов собора сохранились покосившиеся ажурные кресты, сверкавшие позолотой; с других кресты были сбиты, и поблескивали в траве недалеко от храма у заброшенных и заросших могильных плит.

Помню, с левой стороны, если смотреть с городской площади, там, где крепостная стена примыкает к стене храма, находился вход в подвал: две небольшие железные дверки, напоминавшие большие печные заслонки. Пролезши через них, мы могли вставать в полный рост. Через несколько метров ход упирался в большую дверь, заваренную намертво. Нам очень хотелось попасть туда и узнать, куда же она вела, но это, конечно, было бесполезно. А ведь ходили слухи, что подземные ходы соединяли не только кремль с монастырём, но и, проходя под дном реки, вели на тот берег. Где-то в конце века, после реставрации, я пытался найти этот вход, но он был заложен и заштукатурен.

По винтовой лестнице колокольни мы добирались до самой звонницы, вот только колоколов там уже не было, но всё равно было страшно интересно: ведь это самое высокое место в городе, и всё Верхотурье с него – как на ладони.

С высоты хорошо просматривался расположенный по соседству Свято Николаевский монастырь. Окружённый крепостной стеной, он в то время был превращён в колонию для несовершеннолетних преступников. Мы часто видели их на монастырских стенах, затянутых колючей проволокой, пытались даже перекрикиваться, но под окриками охранников убегали. Было как-то неуютно и жутковато видеть ребят чуть постарше нас в таком положении.

Но вернёмся к школьным делам. К середине учебного года я уже полностью освоился – учёба давалась мне легко;

правда, ей мешало озорство, из-за которого меня частенько удаляли с уроков, но, в основном, всё шло нормально.

В интернате нас приучали к полной самостоятельности. Ежедневно в корпусе оставалось четверо дежурных: по «мужской» и «женской» половине и по кухне – в школу они в этот день не ходили. Обязанностью дежурных было вымыть полы, истопить печи – топили углём – натаскать в умывальники воды и прочие хозяйственные дела. Девочки помогали на кухне. Дежурили все по очереди. Руководила всем процессом кастелянша, которая жила в маленькой комнатке при интернате вместе со своей дочерью. Мы, пацаны, считали кастеляншу «вредной», но, как я сейчас понимаю, именно благодаря этой «вредности» в нашей жизни поддерживался определённый порядок. Вообще, это была одна большая семья, и когда ребята приходили из школы, в интернате было чисто, тепло, готов ужин. Все вместе чистили во дворе снег, заливали небольшой каток. Если привозили уголь, мы, разделившись на небольшие звенья, сгружали его в дровяник. Эти правила были одинаковы для всех, никакие отказы не принимались. Разве что по болезни. Все интернатские были из простых рабочих семей, с детства приучены к домашнему труду, поэтому относились к исполнению обязанностей с пониманием.

Недетский праздник: всё как у больших

Близился конец пятьдесят седьмого года, впереди маячил первый «Новый год» в новом коллективе. Мы с Витькой думали-размышляли, как его встретить. Перво-наперво, решили накопить денег и стали с каждой десятки откладывать часть в общий котёл. К середине декабря мы уже располагали некоторой суммой, а потому, посещая магазины, по примеру наших родителей прикидывали, какую бутылочку приобрести, чтобы встретить Новый год достойно.

Витька жил без отца, с одной матерью, которая работала на железной дороге то ли обходчиком, то ли ремонтником. Это вообще особая фишка России: женская бригада меняет прогнившие шпалы, подбивает под них щебёнку, но бригадир у них – непременно мужик.

И я, и Витька к тому времени, благодаря родителям, уже пробовали брагу, а потому хотелось нам чего-то необыкновенного, из другой жизни. Изучая ассортимент винного отдела магазина, в котором в то время было несколько видов спиртного, мы одновременно сошлись взглядами на украинской «Запеканке» – уж очень красивой, яркой была этикетка: с какими-то ягодами, фруктами. Да и градусов в ней было не сорок, а двадцать. Короче, самый детский вариант. Мы,

сразу отбросив все сомнения, купили бутылку и спрятали в тайник до лучших времён.

И вот Новогодний вечер! Бабуля моя была в родительском комитете при интернате, а потому прибыла для оказания помощи воспитателям. Освободили от мебели самую большую спальню у девочек. Девочек уплотнили, часть перевели в комнату для занятий. Планировалось условно встретить Новый год и разъехаться по домам на каникулы.

На празднике обязательно должен был присутствовать директор школы Михаил Петрович, человек строгий, бескомпромиссный. Сейчас, когда смотрю старые фильмы, ловлю себя на мысли, что Михаил Петрович больше напоминает не директора школы, а непримиримого чекиста, борющегося с антиреволюционной нечистью. Такая у него была внешность: испещрённое оспой лицо, пронзительный взгляд сквозь массивные очки, жёсткий голос – таким он и остался в моей памяти.

Все находились в приподнятом настроении: старшие отвечали за музыку, девочки за сервировку стола, в общем, все были заняты предпраздничными хлопотами. После всех торжественных мероприятий и праздничного ужина мы с Виткой готовились к основному действу – танцам. Партнёры мы выбрали заранее, оставалось немного: подкрепить себя смелостью – ведь танцевать приходилось в первый раз.

Вытащив из заначки бутылку «Запеканки», разлили содержимое по стаканам и, как заправские мужики, пригуби-

ли. Напиток понравился: хоть маленько и прижигал, но был приятнее браги. В общем, бутылку мы приговорили, настроение поднялось. Голова оставалась светлой, а вот ноги слушались плохо, и нас слегка покачивало.

Когда появились в «зале», танцы уже были в полном разгаре. Естественно, жертвы, которых мы обозначили как своих партнёров, приняли наши приглашения, хоть и поняли, что с кавалерами что-то не так. Нас шатало из стороны в сторону, ноги слушались плохо, а духота и медленный темп танца завершили дело – мы просто повисли на плечах у девчонок. Михайло Петрович буквально пожирал нас своим мертвенным немигающим взглядом. Со стороны доносились смешки других танцоров.

Совершенно окосевшие, с трудом добрались до своих кроватей, и тут меня начало рвать. Всё съеденное и выпитое было исторгнуто наружу. Прибежала член родительского комитета по организации праздника – моя бабушка – схватила ведро и тряпку и кинулась убирать следы моей гулянки. Запах в комнате стоял кошмарный...

Утром, опустив головы, мы первой электричкой отправились к себе на Платину. «Разбор полётов» ждал впереди.

Первым мероприятием в новой четверти была выволочка у директора школы, от которого я слышал о себе много такого, о чём даже не подозревал. Тем не менее, за время каникул острота вопроса всё же спала, и меня допустили к занятиям.

Вторая половина зимы прошла спокойнее, потому что я чувствовал за собой вину, но к весне уже вновь оперился, да и усталость от учёбы накопилась, поэтому в конце учебного года мы с Витькой снова оказались организаторами и участниками мероприятий, критически воспринятых нашими воспитателями. В конечном итоге перед летними каникулами мне торжественно сообщили, что на проживание в интернате в следующем учебном году я могу не рассчитывать. В школу – пожалуйста, так как учился я легко, в интернат – нет, и не просите!

Видимо, допёк я воспитателей своими выходками, да и с Витькой Козловым нас надо было как-то разъединить. Его выставить из интерната было сложнее потому, что, во-первых, создан интернат был при участии и поддержке железной дороги как раз для проживания детей железнодорожников, а, во-вторых, как я уже упоминал, жил Витька с одной только матерью, а у меня на тот момент имелся полный комплект родственников: бабушка, отец и мачеха.

Но я, наученный новогодним опытом, пропустил это предупреждение мимо ушей, полагая, что пройдёт лето, всё забудется, и меня, пусть со скрипом, но примут обратно.

* * *

Лето после окончания пятого класса прошло без подвигов и особых происшествий: собирали с бабушкой грибы и ягоды, со Славкой ходили за шишками. В конце августа поехали с бабулей в Свердловск на базар, продали всё, что толь-

ко смогли из собранного урожая, купили мне школьное обмундирование, кирзовые сапоги, учебники и вернулись полностью упакованными, готовыми к дальнейшему обретению знаний. Вот только перед началом занятий в школе нам чётко пояснили, что места в интернате, за мои художества, для меня нет. В школу – пожалуйста, а в интернат – ни-ни.

Никак я не думал, что Нина Григорьевна, старший воспитатель, и Михаил Петрович окажутся такими последовательными и твёрдыми в своём решении.

Делать было нечего, пришлось искать жильё. Нашли довольно быстро. По другую сторону от железной дороги располагался частный сектор, где проживал Толя Ермаков, ученик нашей же школы. Его семья меня и приютила.

А бабуля начала ходить от Михаила Петровича к Нине Григорьевне и обратно, и так почти каждый день, и где-то через месяц сломила упорное сопротивление этих неприступных бастионов: меня опять вернули в интернат, в свой, уже ставший родным коллектив таких же шалопаев, как я.

До всеобщей реформы образования

Про учёбу в шестом классе что-то особенное сказать не могу, она прошла спокойно, без каких-то ярких, засевших в памяти моментов. Правда, два преподавателя запомнились на всю жизнь. Это учитель математики Васнина Валентина Васильевна и учитель истории Попов Александр Васильевич.

Валентина Васильевна каждый урок начинала с устного счёта. Она называла два числа и действие, которое необходимо с ними произвести; ученик, первым давший правильный ответ, получал плюс, за неправильный – минус. Тот, кто набирал пять плюсов, получал пятёрку; четыре – соответственно, четвёрку. Единицы, двойки и тройки не ставились. Положительная мотивация!

Валентина Васильевна научила нас быстро считать в уме, производя арифметические действия без каких-либо письменных вычислений. Такая разминка длилась около десяти минут, затем начиналась новая тема. Чаще других победителями в этой экспресс-викторине оказывались Володя Коптяков, Витя Лобанов и я.

Другие одноклассники в этом аттракционе частенько от

нас отставали, а мне он не раз помогал исправить колы и двойки, полученные за «подвиги» на уроках математики: за плохое поведение я частенько выметался с урока, попутно огребая единицу в журнал. Несмотря на это, алгебра и геометрия были моими любимыми предметами, так как их не нужно тупо зубрить: достаточно логически мыслить, а этому Валентина Васильевна нас научила.

История тоже была предметом, к которому я, благодаря Александру Васильевичу, равнодушен до сих пор. Это был учитель от Бога: он так преподносил материал, что не слушать было невозможно! Кроме того, к каждому изучаемому в соответствии со школьной программой историческому периоду или событию Александр Васильевич подбирал художественные произведения, в доступной и интересной форме повествующие о той эпохе. Порой я не мог дождаться конца уроков, чтобы первым бежать в библиотеку.

Из-за особенности строения черепа у историка было прозвище «Кумпол» – необидное, наоборот, с оттенком уважения. Несмотря на очень плохое зрение, он был прекрасным спортсменом: отлично играл в волейбол, подвязав – для надёжности – верёвочкой очки с толстенькими линзами.

Ещё хочу упомянуть о том, как проводились уроки физкультуры – никакого сравнения с тем, что происходит сейчас. У нас было всего два урока в неделю, но мы знали, что такое кольца и брусья, умели прыгать через «козла». Зимой бегали на лыжах. Помню, как-то раз, после прохождения ди-

станции, учитель, взглянув на мои уши, принялся растирать их снегом. Уши начали гореть огнём, а потом распухли – отморозил.

Когда на реке вставал лёд, катались на коньках-дутьшах, благо, этого добра у нас было – хоть завались. В то время в Верхотурье работал завод, выпускавший коньки. Впоследствии его перепрофилировали на выпуск кроватей, а в наше время, благодаря достаточно большому количеству брака, мы имели то, что тогда мог купить далеко не каждый. Вся бракованная продукция завода вывозилась на свалку, которая находилась на повороте дороги, ведущей от станции в центр города. Вот тут мы, как и всё Верхотурье, отоваривались коньками любых размеров, а затем, разрезав на ленточки сыромятные гужи от старых хомутов, привязывали дутьши к валенкам и устраивали гонки.

На уроках начальной военной подготовки нас учили стрелять из малокалиберной винтовки – мелкашки, для чего на пришкольной территории был при участии старших школьников построен тир.

Так же, при участии школьников, был разбит школьный сад. Мы сами копали лунки под саженцы, насыпали на дно «пирамидки» питательной смеси и сажали плодовые деревья. Я и сейчас мог бы указать, где растёт «моя» яблоня.

В первую половину года моя школьная жизнь проходила относительно спокойно: боялся, что вытурят из интерната. Как всегда, по пятницам разъезжались по домам, в воскре-

сенье возвращались, используя свободное время для путешествий в Верхотурье. Осенью обследовали Свято Троицкий собор и стены кремля, зимой катались на коньках или лыжах. «Новый год» тоже прошёл без эксцессов, а вот второе полугодие, особенно его окончание, опять было отмечено несколькими «подвигами».

Весной вообще наметилось некоторое равнодушие к учёбе: сказывалась накопленная за зиму усталость. Сжатая пружина должна была, в конце концов, расправиться. Мы начали коллективно прогуливать занятия и ещё больше баловаться на уроках, добиваясь удаления из класса. Моя соседка по парте Аля Яценко была и моей главной жертвой – именно её я допекал своими выходками. В итоге опять получил предупреждение о том, чтоб на следующий год на проживание в интернате не рассчитывал.

Бабушка да я – вот и вся семья. 1959 год

Зимой произошло очень значимое событие: из семьи ушла бабушка. Все эти годы она не ладила со снохой, но терпела, а тут, разругавшись с ней в очередной раз, отправилась к начальнику лесоучастка и попросила выделить ей как пенсионерке какую-нибудь комнату. И он выделил – как раз в том бараке, который когда-то, лет семь тому назад, строили весёлые вятские ребята, забавлявшиеся моими лихими ответами на вопрос, почему это молодая мамка всю ночь редела.

Теперь – после ухода бабули – возвращаясь из школы, я то и дело стал заставать дома весёлые компании. Отец с мачехой и раньше не были трезвенниками, а тут вообще зачастую. Иногда отец наливал и мне, хвастаясь перед собутыльниками тем, какой отличный у него сын, но я начал замечать за собой, что не могу терпеть пьянчуг, их слёзы, слюни, их запах. Вот когда плеснут, и я приму на грудь, всё как-то сглаживается. Поэтому, лицезрев наливающуюся до бровей шатию- братию, старался сразу же уйти – внутри поднималась неодолимая волна гнева и презрения. Особенно, когда я видел в таком состоянии отца. И это сохранилось во мне на всю жизнь: пьяных терплю только тогда, когда сам пьян.

* * *

Учиться оставалось считанные недели, по дорогам журчали ручьи, слепило глаза весеннее солнце, и настроение было соответствующим, солнечным – вот в такой день я в очередной раз прибыл домой.

Дом встретил меня небольшой тёплой компанией – с отцом во главе. Рядом крутилась подвыпившая мачеха, которая, впрочем, на его фоне казалась практически трезвой. Настроение сразу скатилось в бездну, особенно после того, как отец полез ко мне целоваться и в очередной раз начал представлять своим собутыльникам, хотя чего представлять – все друг друга и так прекрасно знали! Но это был такой ритуал, хмельной пассаж!

После того, как я почувствовал эти мокрые губы, этот отвратительный хмельной запах, услышал глупые надоевшие слова: «Посмотрите, какой у меня сын!» – которые он повторял как заведённый, гнев заполнил всё моё существо. Еле сдерживаясь, я звенящим голосом спросил, когда же, наконец, прекратятся ежедневные попойки, и тут вдруг увидел ухмыляющуюся рожу мачехи – это был предел. Вырвавшись из объятий отца, ударил его – папаша повалился на лавку у стены – схватил сумку и выбежал из дому.

Пришёл, конечно, к бабушке. По моему виду та сразу смекнула, что что-то случилось, а когда я сказал, что с отцом больше жить не буду, зная мой характер, поняла, что это решение – окончательное.

Утром, пока я спал, бабуля сходила и забрала все мои

нехитрые пожитки. Вслед прибежал отец. Разговора не получилось – я твёрдо сказал, что обратно не вернусь, и он ушёл.

Пастуха ноги кормят. 1959 год

Закончился учебный год, начались очередные летние каникулы, и сам собой встал вопрос, как мы вдвоём будем жить на триста дореформенных рублей бабушкиной пенсии – на отца надеяться уже не приходилось.

Решили, что на лето я пойду пасти коров. На Платине было два стада, так как посёлок разделяла железная дорога, а гонять через неё скотину – накладно и небезопасно. Вообще, пастухи обычно хорошо зарабатывали, ведь почти каждая семья имела корову, телёнка, а ещё и овец. Пастуха назначали на общем собрании, и, хотя зарплата была вполне приличная, но работа – сезонная. Так что соглашался не каждый. На нашей стороне пастухом был Коля Михеев, невысокий шустрый мужичок, вот к нему и пристроила меня бабушка подпаском с оплатой триста рублей в месяц. Точнее сказать, платили пастуху – за каждую голову стада в зависимости от того корова это, телёнок или овца, а уже из общей суммы выделялась доля подпаску.

Кроме денег пастухи получали от общества пропитание: каждый день, по очереди, две семьи готовили по сумке с едой. Утром, собирая стадо по посёлку, мы забирали торбы, а вечером передавали следующим хозяевам – всем по порядку. Кроме того, по осени каждая семья обязывалась дать ещё и по ведру картошки!

Так началась моя трудовая деятельность, подчинённая строгому распорядку. В семь часов утра собирали стадо и гнали его где-то километров за семь на Еранкин бор – постоянное место выпаса. По пути останавливались на водопой у небольшой заросшей травой речушки. Дорогу эту коровы знали прекрасно. Нужно было только присматривать за оставшими, да следить за тем, чтобы некоторые партизаны не разбрелись по сторонам.

Есть такой детский стишок:

Что для зайца стометровка? Как стрела бежит косою!

Вот что значит тренировка вместе с тренером-лисой!

А меня тренировали коровы, две бегуны: бабушки Наймушиной и семьи Касьяновых, удержать которых не было никакой возможности. Они проходили чуть больше половины пути, разворачивались, и, сколько бы за ними ни гонялись, убежали, но, что характерно, домой приходили вместе со стадом, присоединяясь к нему на обратном пути. Где беглянки бродили всё это время – не знал никто, но молоко у них было очень жирным, и удои – высокими. Кстати сказать, все коровы в стаде были чёрно-белые – молочной тагильской породы.

Еранкин бор – название условное. Когда-то это действительно был большой участок соснового леса, к тому времени уже полностью вырубленный: остались голые, заросшие мелким подлеском делянки да по краям – небольшие островки сохранённых на осеменение сосен. В одном из таких островков стадо и выбрало место для днёвки. У нас, пастухов, тоже

была одна полянка, будто с картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Так вот, возле поваленной сосны мы и располагались, доставали наш нехитрый провиант: молоко, хлеб, яйца, огурцы – обедали.

Пока стадо отдыхало, я, быстро перекусив, убежал разведывать окрестности. Иногда набредал на брусничники и тогда на следующий день отправлял туда бабушку.

Спустя полтора-два часа коровы безо всякого принуждения как по команде поднимались и не спеша отправлялись домой. В посёлке мы появлялись где-то около шести часов вечера.

Так прошло лето, и за свой труд я получил девятьсот рублей, что по тем временам было очень приличным заработком. Кстати, деньги выдали только по окончании сезона – так было принято.

Начался учебный год, и на повестке дня снова стал вопрос о проживании. Ситуация повторялась: меня категорически отказывались брать в интернат. И тут, что называется, свезло: учитель биологии Няникова Анна Константиновна, работавшая по совместительству воспитателем, сжалилась над бабушкой и взяла меня к себе, несмотря на то, что была свидетелем всех моих подвигов. Анна Константиновна жила вдвоём с мужем в частном доме по другую сторону железной дороги. Муж её, лётчик-фронтовик, был очень сильно изранен; наверное, поэтому детей у них не было.

А бабуля снова принялась атаковать директора школы и

старшего воспитателя Нину Григорьевну, и где-то ближе к зиме добила – я появился в интернате на правах жильца. С последним китайским предупреждением!

Последний год в школе. 1959 год

Седьмой класс считался в то время выпускным, поэтому ещё до начала занятий я поставил перед собой цель: после его окончания уйти в ремесленное училище, тем более, что трое моих друзей с Платины уже поступили в Баранчинское ремесленное училище №13 на специальность «токарь-универсал».

Юра Лебёдкин, Витя Тимофеев и Святослав Пырко были старше меня, но к тому времени мы очень близко сдружились, иногда даже выпивали на равных, что, несомненно, было мне очень приятно и лестно. Так как они всюду курили, я тоже начал покуривать, изображая из себя взрослого и, как теперь говорят, «крутого» парня.

В последнюю неделю декабря учеников седьмых – десятых классов, проживавших в интернате, направили на трудовую вахту в «Заготзерно», чтоб мы смогли заработать денег на празднование Нового Года, уменьшив тем самым финансовую нагрузку на родителей. Обязанность наша заключалась в том, чтобы лопатами забрасывать лежащее в буртах зерно на транспортёр, пропускать через сушилку и при помощи всё тех же транспортёров размещать на складе. Работа несложная, но тяжёлая. Пластались мы после школы и выполнения домашнего задания часов до одиннадцати, а затем, уставшие, бежали в интернат. Животы под завязку были

набиты горячим и необыкновенно вкусным – после сушки – зерном. Наедались до отвала. Ночами в спальне стоял грохот «канонады» и сопровождающий его громкий хохот.

Учёба в седьмом классе проходила по тому же сценарию, что и в шестом: сперва я вёл себя более-менее сносно, но, когда наступила весна, стало пригревать солнце, и сошёл почти весь снег, мы снова начали сдувать с уроков. И если в прошлом году прогульщиков было немного, то теперь из интерната в школу уходили все, а до школы доходили максимум две трети. Расстояние до школы было метров пятьсот-семьсот, но преодолеть его могли либо самые стойкие, либо самые робкие. Остальные сворачивали в соснячок около железнодорожного депо, где вместо уроков играли в войнушку или чехарду, а вечером отправлялись на очередные «разборы полётов» с последующим вызовом родителей в школу.

Наконец закончился и этот учебный год, я получил свидетельство о неполном среднем образовании, довольно приличное, без троек – за исключением оценки по поведению – а вместе с ним и напутствие: больше в интернат я не попаду ни под каким предлогом. В школу – пожалуйста, так как учился я хорошо, мог бы ещё лучше, резерв имелся, а вот в интернат – ни-за-что!!! Заявлено было более чем категорично.

А я в этом и не нуждался, потому что твёрдо решил поступать в училище. Так как второго августа мне должно было исполниться четырнадцать лет, я полагал, что никаких проблем с зачислением не возникнет, тем более, и друзья дали

мне гарантию.

* * *

Наступило лето, начались каникулы. Пасти коров в этом году я не стал – нужно было помочь отцу на сенокосе. Кроме коровы в его хозяйстве появились телёнок и несколько овец, справиться с заготовкой сена отцу с мачехой было теперь затруднительно, и отец позвал на помощь меня. Большинство выделенных ему под покос участков было достаточно далеко, на разъезде «67-й километр».

Вставать приходилось очень рано, чтобы успеть на поезд Свердловск-Серов. На поезде мы проезжали перегон километров в семь, затем шли до покоса ещё версты три. Проработав полный световой день, обратно возвращались уже пешком. Так продолжалось с середины июля в аккурат до второго августа, дня Ильи Пророка.

На Урале существует поверье, что сено нужно успеть заготовить до Ильина дня, иначе это будет не сенокос, а сеногной. «Илья Пророк в воду поссал», а значит, заканчивается купальный сезон и начинается период дождей.

Сена нам нужно было накопить на всю зиму для собственной скотины, да ещё тонны три на продажу – такой у отца был план. Это, действительно, был хороший товар, особенно зимой, ведь животные держали много, а вот заготовить необходимое количество сена могли не все. Поэтому пластались мы целыми днями по двенадцать-тринадцать часов с часовым перерывом на обед и отдых. Объём работ для «бригады»

из трёх человек был огромным: траву нужно было скосить, сгрести, сметать в копны и, после того, как в копнах сено выстоится не менее трёх суток, стаскать его к месту стогования. И всё это – вручную.

А потом ещё десять километров пешком до дома, наскоро помыться, и – на танцы, которые по выходным были в клубе. В общем, к окончанию сенокоса я уже еле ноги таскал.

На покосе между мной и отцом произошёл разговор, наложивший отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. Раз во время перерыва отец достаёт пачку папирос и даёт мне одну со словами:

– Давай закурим.

Я, конечно, пошёл в отказ:

– Что ты, папа, я не курю! – на что он мне ответил:

– Не ври, все знают, что ты со своими друзьями куришь, поэтому давай, закуривай! Если ты, Владик – дурак, то будешь курить, если нет, то бросишь. С меня этот пример брать не надо.

Разговор оказался очень своевременным: тогда я ещё не втянулся в эту дурную привычку, курево мне было противно. Для привыкания требуется довольно продолжительное время. Курить, ведь, начинаешь не потому, что это приятно и сразу понравилось, а потому, что не хочешь отстать от своих друзей, тем более, тех, что старше тебя по возрасту. Это и есть первый признак детскости и незрелости ума.

А тогда мы выкурили с отцом по папиросе, и с тех пор

я больше не курю, видимо, самолюбие не позволило стать дураком.

По окончании сенокоса и выполнения намеченного отцом плана он купил мне первые мои часы «ЗВЕЗДА» в квадратном корпусе. Я, хоть и мечтал о круглой «ПОБЕДЕ», вынужден был смириться.

* * *

Спустя несколько дней мы с отцом поехали в посёлок Баранчинский устраивать меня в ремесленное училище. Но вот незадача, документы у нас, несмотря на хорошие оценки и активное содействие моих друзей, не приняли. Причина была в следующем: учебный курс в РУ, как и в школе, начинался первого сентября и заканчивался через два года, в июне; и на момент окончания учёбы выпускнику, если он учился на электрослесаря-сборщика, должно было исполниться шестнадцать лет, а если на формовщика-литейщика или кузнеца – восемнадцать. Так как шестнадцать мне исполнилось бы только в августе, я под эти критерии не попадал; поэтому уехали мы ни с чем.

Настроение было поганое. Что делать зимой? Ехать в Верхотурье нет смысла: подвиги мои надоели, и меня наверняка не примут в интернат; остаётся школа в Нижней Туре. Туда мы с бабушкой и рванули.

Нижняя Тура. 1960 год

Поездка прошла удачно: приняли меня и в школу №2 на «НТГРЭС», и в интернат, так как оценки в свидетельстве были хорошими, а про мои подвиги они, естественно, ничего не знали.

Интернат размещался в бараке с паровым отоплением и тёплыми сортирами, что было большим плюсом в сравнении с верхотурским. Одну половину комнат занимали мальчики, другую – девочки. Было много ребят с Платины, так как некоторые, как и я, поменяли Верхотурье на Нижнюю Туру.

Восьмой «б» класс, куда меня определили, был в основном укомплектован учениками, которые знали друг друга достаточно давно; некоторые – с первого класса.

Новичков оказалось немного, и одним из них был Толя Спирын, прибывший в школу из специнтерната. Мелкий, видно, в детстве недоедал, с огромными, лишёнными ресниц глазами – последствием трахомы, и большой выдумщик на всякие пакости. Мог втихую, не моргнув глазом и не дрогнув ни одним мускулом, безо всякого стыда испортить воздух в классе.

Учителем английского языка и одновременно классным руководителем нам назначили молоденькую выпускницу Пя-

тигорского педагогического института. Толя всегда встречал её у дверей. Он настежь распахивал створки, делал реверанс, расшаркивался, широко разводя руки в стороны, и торжественно объявлял: «Девочка из Пятигорска!» Вроде бы ничего особенного, но по-первости класс хохотал просто сумасшедше.

Учился он плохо, проказничал неумеренно, но как-то постепенно притёрся ко мне, хоть я в этих школьных проказах его и не поддерживал, став, видимо, взрослее и серьёзнее. Да и училище из головы не выходило, а для поступления туда требовалась хорошая характеристика.

* * *

Благодаря отличному преподавателю физкультуры, спортивная работа в школе и в нашем классе в том числе, была на высоком уровне. В нашем классе был отличный лыжник Володя Щукин, который занимал первые и вторые места в школьных спартакиадах Нижнетуринаского района. А Вадик Мотовилов почти всегда был первым на стометровке. На средних дистанциях в победители или призёры выходил Володя Кленин. И это только в нашем классе! А были ещё и другие! Вот где мне пригодился опыт, который я получил, когда пас коров, там ведь всё время приходилось бегать, загоняя их в стадо, да и в Верхотурской школе мы тоже дружили со спортом.

На осенней спартакиаде я стал третьим на стометровке и вторым на дистанции четырёхста метров, немного уступив

Володе Кленину. А вот по шашкам – в спартакиаду входили и шашки – стал первым. На зимней школьной спартакиаде района наша школа в командном зачёте заняла второе место. Я как-то быстро подтянулся и по остальным спортивным дисциплинам. В беге на лыжах проигрывал только Володе Щукину, все остальные были позади. Но это потом...

Бокс

В сентябре Толя Спириин неожиданно начал с энтузиазмом агитировать нас записаться в секцию бокса, которая открывалась в спортзале Нижнетуриинской ГРЭС.

Спортзал находился через дорогу от школы, на улице «40 лет Октября» в небольшом двухэтажном здании из кирпича.

Сейчас на этом месте горделиво красуется культурно-спортивный комплекс Газпром-Трансгаз-Югорск

В настоящее время лучшие традиции бокса в Нижней Туре сохраняет и поддерживает спортивный клуб «Кожаная перчатка» под руководством тренера – преподавателя Спортивной детско-юношеской школы олимпийского резерва Вячеслава Филипповича Фаргера, правда размещается клуб уже по другому адресу.

Где Толя познакомился с тренером – тайна, покрытая мраком, но мы после его агитации ринулись записываться в секцию, которую вёл Вениамин Молостов, невысокого роста, но физически сильный. Раньше он выступал в Свердловске: выигрывал областные соревнования в легчайшем весе.

Тренер сразу предупредил всю нашу ораву – а нас собралось более двадцати человек – что будет проверять дневники, и если увидит плохие оценки – отчислит сразу, не говоря уже о том, что хулиганские поступки вообще недопустимы!

Вот так занятия спортом выбивали из нас дурь: в школе

уже никаких вывихов, всё чинно, благородно. Если и случались какие-то выходки, то только в интернате. Поэтому, когда зимой начался приём в комсомол, меня приняли сразу, без особых вопросов. Тем более что одну из рекомендаций мне дал сам директор школы Соловьёв Валерий Михайлович, который, как потом выяснилось, был близким родственником Герцена. Об этом он сам рассказывал после, когда приходил к нам в интернат на собрание и отвечал на вопросы ребят.

Учёба по-прежнему давалась мне легко, несмотря на то, что школа была другая, класс, соответственно, тоже, и требования немного изменились. С седьмого класса я приучился пользоваться учебниками, не надеясь только на память, и это принесло свои плоды – учился практически без троек.

Со спортом тоже всё шло в гору. Веня здорово гонял нас на разминках, ставил в пары, не обращая внимания на разницу в весе. Ребята были – все лучшие спортсмены школы. Бокс – вид спорта очень нелёгкий. Изначально туда идут те, кто хочет стать сильным физически, научиться в любой момент давать обидчикам сдачи. Беда только в том, что пока чему-нибудь научишься, сам на тренировках получаешь по башке столько, что мало не покажется.

Поэтому из тех ребят, что записались в секцию в сентябре, через два месяца осталась ровно половина. Слинял и Толя Спирын. Я же продолжал регулярно заниматься, не пропуская ни одной тренировки.

Когда пацанов стало значительно меньше, нас «совместили» с мужиками, то есть с теми, кто был старше восемнадцати и занимался уже несколько лет. В пары с ними тренер нас, конечно, не ставил, но со стороны мы могли наблюдать, как боксируют опытные спортсмены, и, естественно, пытались перенять их технику боя.

* **

После трёх месяцев тренировок Вениамин объявил, что мы едем боксировать с ребятами из техникума посёлка Ис. В команду он отобрал десять человек, как давно занимающихся, так и нескольких новичков, в число которых попал и я. Помню, это был морозный воскресный день перед самым Новым Годом. К спортзалу подогнали небольшой грузовой ГАЗик, обтянутый тентом. Внутри было несколько тулупов, поэтому мы, укутавшись в них по двое, ехали, как в мягком вагоне.

Соревнования проводились в техникуме, в небольшом спортзале, который до отказа был забит болельщиками – учащимися техникума. После взвешивания мы ждали разбивку по парам в учебном классе. Мандраж был у всех, особенно у нас – новичков. Это ощущение ожидания трудно передать словами: даже руки и ноги слегка подрагивали. Со временем, с опытом, я научился скрывать свою тревогу, хотя и впоследствии эти ощущения приходили перед каждым боем – одним словом, мандраж.

Когда Веня принёс разбивку по парам, выяснилось, что я

буду боксировать со своим, Руфиком Юсуповым, так как в техникуме не нашлось новичков в таком весе. Ставить нас в пару с опытными боксёрами не полагалось, тем более что и у Руфика, и у меня это был первый бой. Руфик был очень хорошим спортсменом: отлично играл в баскетбол, волейбол, футбол, прекрасно прыгал в высоту. Мне он проигрывал только в беге на всех дистанциях и на лыжах. Всё-таки, коровы внесли свой посильный вклад в развитие моих спортивных качеств. Руфик был лучше на спаррингах, да и тяжелее. Я в то время весил пятьдесят четыре килограмма – лёгчайший вес, он – пятьдесят семь – полулёгкий.

Мандраж усилился после того, как я оказался в своём углу. Рассказывали, даже побледнел так сильно, что, казалось, сейчас брякнусь в обморок. Но после удара в гонг и команды «бокс» все эти ощущения куда-то исчезли – видел перед собой только противника и больше никого: ни зрителей в зале, ни судей. Руфик полагал, что справится со мной без особого труда, по крайней мере, об этом говорил весь его вид. Но в меня будто чёрт вселился: начал так окучивать товарища по команде, что через некоторое время по его лицу стало ясно – такой прыти соперник от меня не ожидал. И в первом, и, тем более, во втором раунде я отколошматил его так, что сомнений в том, кому отдать победу, не было ни у судей, ни у зрителей, и лишь на лице Руфика застыл немой вопрос: с какого повода меня спустили, что я оттузил его на одном дыхании?

И вот тут я опять хочу вспомнить своих тагилок: побе-

гай-ка за ними каждый день в течение трёх месяцев, да поработай на сенокосе, где физическая нагрузка тренирует организм гораздо эффективнее, чем уроки физкультуры!

Любой, кто выигрывал первый бой, первое соревнование в любом виде спорта, знает, какая после этого наступает эйфория: ты продолжительное время находишься на седьмом небе...

Так было и со мной: после этих соревнований на тренировках стал чувствовать себя увереннее со всеми, кто назначался мне в спаррингпартнёры, хотя многие из них были намного тяжелее и выше. Более того, постепенно в этих спаррингах стал не только боксировать на равных, но и выигрывать.

* * *

В начале года, после зимних каникул, Вениамин объявил, что состоится товарищеская встреча с боксёрами ремесленного училища №50, расположенного в Верхней Туре. Начали очень активно готовиться к этим боям, зная, что нам, новичкам, придётся нелегко, так как в команде техникума имелось несколько человек, которые в своё время занимались у нашего тренера. Именно они и стали инициаторами организации секции бокса в своём училище. День встречи был назначен. Приехало человек двенадцать, все немного постарше нас.

После взвешивания и разбивки по парам начались бои. Два первых мы проиграли. В третьей паре драться должен был я. В этот раз выступал намного увереннее, и чуть было

не закончил бой за явным преимуществом: не хватало совсем немного. Соперник уже побывал в нокдауне, и это удвоило мои силы. В общем, выиграл!

Буквально на следующий день, двадцатого февраля шестьдесят первого года, в школу принесли местную газету с небольшой статьёй, в которой освещались прошедшие соревнования и в которой я увидел и свою фамилию! Эти события превратили меня пусть в небольшого, но героя! Мало сказать, что было приятно – хотелось отличиться ещё больше!

* * *

Вторая половина года шла своим чередом. В учебные дни после школы три раза в неделю – тренировка. В свободное время катались на коньках – каток заливали на футбольном поле за спортзалом. По пятницам с Платины приходила бортовая машина, и нас везли домой на выходные. Везли через деревню, которая почему-то называлась «Новая Тура». Вот только ничего нового в ней не было: дома старой постройки с крытыми дворами, в центре – церковь, превращённая в клуб. Наши родители называли эту деревню «Таковая», видно, ещё дореволюционное название. Ребята из Таковой, жившие в интернате, добирались до дома вместе с нами.

В один из приездов на Платину я, как обычно, встретился со своими друзьями-ремесленниками – так называли учащихся ремесленных училищ, и от них узнал, что в марте в РУ проводится дополнительный набор одной группы

электрослесарей-сборщиков электрических машин. Занятия начнутся с первого апреля. Это, конечно, был шанс. Во-первых, я теперь уже проходил по возрасту, а, во-вторых, Юра, староста группы токарей, мог замолвить за меня слово. Кроме того, к этому времени мне присвоили третий спортивный разряд по лыжам – немного не дотянул до второго – и третий юношеский разряд по боксу. Да ещё первое место в школе по шашкам. Это были весомые аргументы: при поступлении в любое учебное заведение занятия спортом давали несомненное преимущество. Короче: ударник учёбы, спортсмен, комсомолец и просто красавец!

Школа со мной расставалась с сожалением: всё-таки за этот короткий период я смог неплохо проявить себя, а вот интернат – с радостью и облегчением. Освобождалось место лидера, и на него было несколько претендентов. Что ни говори, в интернате перечить мне и руководить пацанами через мою голову не мог никто.

Баранча. 1961 год. Не всесоюзный староста

В этот раз приём в ремесленное прошёл без запинки, и первого апреля шестьдесят первого года мы, учащиеся одиннадцатой группы РУ №13 посёлка Баранчинский, смогли увидеть друг друга и познакомиться.

Кстати, число 13 впоследствии каким-то мистическим образом прошло через всю мою жизнь. Причём, в положительном смысле. А ведь его боятся многие, называя чёртовой дюжиной, но только не я: везде, где присутствовало число 13, мне всегда очень везло.

Когда я уходил из школы, за мной увязался Толя Спиринов, и, как ни странно, его тоже приняли в нашу группу.

В этот же день нам представили мастера производственного обучения, Гущина Бориса Александровича, в будущем – директора этого самого училища. Но это в будущем, а на тот момент Борис Александрович отслужил на Тихоокеанском флоте, окончил техникум, и, конечно, понравился нам всем и сразу. Он, хоть и пытался казаться строгим и требовательным, был душа-человек.

Дни теоретического обучения сразу же стали чередоваться с днями практики.

Так мы попали на завод имени Михал Ивановича Калинина. Когда-то, в далёкие предреволюционные годы, Всесоюзный Староста работал слесарем на этом заводе, точнее, на Ревельском заводе «Вольта» – предтече Баранчинского электромеханического. Справедливости ради нужно отметить, что трудился он там недолго: с марта девятьсот первого до января девятьсот третьего. Видимо, те два года, что юный Миша Калинин простоял у станка, окончательно отбили у него охоту к честному труду, но зато укрепили революционные убеждения, ибо с той поры Михал Иванович больше ни дня не горбатился, посвятив всего себя делу борьбы с существующим общественным строем.

Теперь его станок – токарный – находился в специально отведённом павильоне, как напоминание о славном трудовом прошлом председателя ЦИК СССР. Кстати, такой же стоял на Путиловском заводе. Для подрастающего поколения этот станок должен был, по всей видимости, стать символом того, что советской молодёжи все пути открыты, а перспективы её безграничны – вплоть до членства в Политбюро ЦК КПСС. Правда, в годы перестройки вокруг этого символа можно было наблюдать кучки говна – своеобразные знаки обманутых надежд – так «племя молодое незнакомое» благодарило патриарха Великой Революции за его подвиги и свершения.

* **

Однажды на практических занятиях, через несколько

недель после начала учёбы, когда мы, двадцать пять человек, уже неплохо знали друг друга, Борис Александрович предложил выбрать старосту группы – так полагалось. Староста помогал мастеру в руководстве, докладывал директору училища на утренней линейке о присутствующих и отсутствующих, отвечал за организацию питания и выполнял ряд других обязанностей.

Вот простой пример. Мастерские училища находились на территории завода, и группа учащихся должна была в отведённое для перерыва время дойти до училища, в течение двадцати минут накрыть столы – это делали дежурные, пока все остальные раздевались и мыли руки – пообедать и убрать за собой посуду. Дело в том, что небольшая столовая вмещала не более двух групп, а за два часа должно было пообедать всё училище. Там я и научился есть быстро: до сих пор не могу разучиться.

На старосте лежали многие организационные вопросы, и, естественно, нужно было выбрать такого, которому бы все члены коллектива подчинялись бы, не игнорируя его предложений и распоряжений. Поэтому для меня было неожиданным услышать свою фамилию. Оказалось, инициативу проявил Толя Спирин. Этот пройдоха за короткий период нашего пребывания в училище уже успел красочно расписать ребятам меня и мои подвиги. Но у местных, а их в группе было достаточно много, имелась другая кандидатура – Володи Игумнова. Но, несмотря на то, что местные ребята хо-

рошо друг друга знали, а, может, благодаря этому, при голосовании прошла моя кандидатура. Так, с лёгкой руки Толи Спирина, я опять попал в начальники.

В луже у порога

С Толей связано ещё одно трагикомическое обстоятельство. При зачислении в училище нам объявили, что сразу обеспечить общежитием не смогут. Изначально училище было создано заводом в расчёте на подрастающее поколение посёлка, но постепенно, с увеличением мощности и расширением производственных площадей, рабочих требовалось всё больше, и удовлетворять потребности завода только за счёт местного населения стало затруднительно. Следовательно, встал вопрос о привлечении иногородних. Его решили, увеличив количество учебных групп, а вот увеличить количество мест в общежитии оказалось гораздо сложнее. Для девчат, которых принимали на обучение специальностям токаря, обмотчика электрических машин и штукатуров-маляров, мест не было вообще: только съёмное жильё.

Потому многие учащиеся были вынуждены искать приюта в частных домах, благо, их в посёлке было процентов девяносто. Приезжим в поселении не отказывали, да и деньги за проживание, пусть и небольшие, были нелишними в каждой семье.

Массовое освобождение мест в общежитии происходило летом, после окончания старшими группами курса обуче-

ния, а так как наша группа комплектовалась весной, до лета нам вообще ничего не светило. Нужно было искать угол. Тут мой приятель Толя проявил свойственную ему прыть и нашёл дом, который готов был приютить его.

– Слушай, а давай со мной, – предложил он. – Вместе всяко удобнее, да и дешевле. Квартира хорошая: там до нас жили двое из нашего училища – второкурсники. Шас выпустились. И место классное – совсем рядом с училищем. Пошли – прям шас посмотришь.

Я, конечно, согласился, о чём впоследствии сильно пожалел.

В прекрасном настроении, довольный тем, что так быстро удалось найти ночлег в чужом месте, шёл принимать арендованную Толиком жилплощадь, но когда увидел «апартаменты» – очумел. Комнатёнка размером не больше десяти метров напоминала недостроенную баню. Проживала в ней тётка с двумя детьми: мальчиком лет шести и взрослой дочерью. Хозяйка не работала, потому и сдавала жильцам часть пола у входной двери, точнее, у порога, где мы и должны были спать.

– Да чё ты, – убалтывал меня Толик, – мы ж здесь будем только ночевать. Весь день – на занятиях. Есть будем в столовке. В баню тоже водить будут – в общую. Подумаешь, ночь перекантоваться. Зато совсем рядом с училищем! Времени на дорогу – пять минут: поспим подольше.

Принимая во внимание, что жить тут нам предстоит от си-

лы пару месяцев, я смирился. Кроме того, особым комфортом избалован не был.

Из училища принесли пару матрасов, одеяла, подушки и, устроившись у порога, после трудного первого дня мгновенно заснули.

Проснулся среди ночи: какая-то тёплая жидкость заливала мне бок. Продрав глаза, в недоумении ощупал постель. Оказалось, что мой сосед элементарно обоссался, ну, естественно, мокрым оказался и я.

– Эй, ..., вставай... давай..., – зашипел я, чтоб не разбудить хозяев, и хорошенько потрянул Толика за плечо. – Ты... чё... наделал?! Как теперь...? Куда...? – я с трудом подбирал слова и компенсировал слабый звук крепостью выражений, которыми к тому времени владел виртуозно. Но был ли смысл возмущаться, когда дело уже сделано?!

Кое-как дождавшись утра, мы потащили всё наше хозяйство во двор – сушить, а затем потопали в училище поглощать знания.

Дорогой, забегая вперёд и заглядывая мне в лицо, Толик тарачил и без того огромные глаза:

– Да, блин. Устал вчера чертовски, да ещё воды напился на ночь... Ну, ничего. Щас, пока ходим, всё высохнет – и будет нормалёк.

Две-три ночи действительно прошли спокойно, но когда через некоторое время он обоссал меня повторно, я понял, что вода и усталость тут не причём.

Попал я с ним, конечно, в ситуацию, ведь душа в доме не было: уличный рукомойник с сосочком, подвешенный на стену недалеко от крыльца, проблемы не решал, а ходить на учёбу и на практику, когда от тебя вовсю несёт мочой, как-то стыдно. Тем более я, с лёгкой руки того же Толика, был выбран старостой группы, каким-никаким начальником.

Я вспомнил роман Ремарка «Три товарища», в котором фельдфебель укладывает двух солдат, страдающих энурезом, на одну двухъярусную кровать, причём, поочерёдно меняя их местами: сегодня сверху спит один, завтра – другой. А тут и этого не надо делать: лежим рядом, и оба в моче.

Пришлось выработать систему: я бдил до полуночи, будил Толика, выгонял его до ветру и тогда спокойно засыпал или, когда было тепло, делал из одеяла валик и клал между нами. Но если по какой-то причине я не мог соблюсти эти условия, непременно оказывался мокрым.

Так продолжалось все два месяца. В конце мая я наконец-то получил место в общежитии, и муки мои закончились. Толик остался на квартире.

Красота требует жертв. 1961 год

В июне шестьдесят первого, во время каникул, я поехал в Свердловск на операцию: исправлять косоглазие. Ещё в школе, во время зимних каникул, я уже пытался как-то решить этот вопрос: Ляля, старшая дочь тёти Физы и дяди Гани, училась тогда в медицинском техникуме и взялась мне помочь. Запись на операцию проходила в помещении на улице Розы Люксембург, у Центральной гостиницы – там, где теперь располагается областной кожвендиспансер.

Рано утром я отправился туда. У кабинета собралась огромная очередь. Простояв часа три, я потерял всякую надежду попасть на приём, так как очередь двигалась очень медленно, но тут неожиданно появилась моя симпатичная тётя Ляля. С удивлением отметив, что я ещё так далеко, она вынула из сумочки белый халат, надела его и быстро выпорхнула в кабинет, где шла запись. Спустя некоторое время она так же быстро выпорхнула оттуда, взяла меня за руку и, ни с кем не объясняясь, втащила в кабинет. Немного погодя ко мне подошёл довольно пожилой доктор, посмотрел мои глаза, порасспрашивал, как и почему это произошло, подвёл к женщине-регистратору и велел ей записать меня на операцию на лето.

Так я попал в очередь на июль месяц и явился по указанному в направлении адресу в хирургический корпус глазных болезней, который располагался в бараке за Центральным стадионом. Через несколько дней – после того, как были готовы анализы – меня отвели в операционную. Операция длилась недолго, под местной анестезией. Самым болезненным был этап, на котором подтягивали и подшивали глазные мышцы. Об этом я был заранее предупреждён хирургом, поэтому терпел молча, только всё тело покрылось потом так, что намокли даже простыни. Оперировала меня Малышева Валерия Владимировна, хрупкая миловидная женщина.

Через несколько дней, когда сняли повязку, спал отёк и глаз полностью открылся, я увидел, что всё осталось по-прежнему. Настроение сразу упало. Значит, я снова приеду косым...

Но доктор успокоила меня и через несколько дней снова положила на операционный стол, предупредив, что в этот раз боль будет сильнее. Но я был готов на всё. И действительно, во второй раз было больнее, да и сам операционный процесс длился гораздо дольше. Как только начал спадать отёк, я увидел, что глаз снова начинает косить. Вот это уже был удар!

Прошло несколько дней. Я ходил на процедуры, а глаз продолжал косить всё больше и больше. В один из дней, при обходе, доктор отозвала меня в сторону и сказала, что завтра выпишет из больницы. Увидев моё изменившееся лицо, Ва-

лерия Владимировна объяснила это решение:

– Владислав, успокойся. Вот тот профессор, что осматривал тебя при приёме, а затем направил к нам, делал одному больному двенадцать операций на косоглазие – столько, сколько мышц у глаза, и всё равно поставил ему глаза прямо. Ты сейчас съездишь, отдохнёшь и приедешь сюда снова, а я найду окно, чтобы тебя прооперировать. Мы всё сделаем для того, чтобы глаз у тебя не косил!

После таких слов, конечно, стало легче, появилась уверенность в успехе, я был готов выдержать даже двенадцать операций, только бы восстановить зрение...

* * *

Выписавшись из больницы, прямым ходом отправился к тёте Фисе. Очень хотелось помыться – в больнице это было проблемой, а ведь я пролежал там почти месяц. День был чудесный, по радио сообщили о полёте Германа Титова, и это ещё больше поднимало настроение.

Вечером я сел в поезд и уже ночью был дома, у бабушки. На следующий день, отоспавшись, пошёл на станцию. Обычно вся молодёжь, да и старшее поколение, приходили туда встречать электричку, которая курсировала между Нижним Тагилом и Верхотурьем – был такой ритуал для бездельников: провожали отъезжающих, встречали приезжающих, как теперь говорят, тусили.

Но моих друзей на станции не оказалось, что было весьма странно. Я подошёл к Лёне Берегу, парню примерно моего

возраста или немного постарше, и поинтересовался, где же наша молодёжь. Лёня поведал, что все ушли на день рождения к одной известной особе, куда его почему-то не позвали. Моё радужное настроение резко испортилось: они ведь знали, что я сегодня приеду, и пошли без меня – выходит, меня тоже не пригласили?!

Увидев, как я понурился, Лёня тряхнул головой:

– Плюнь ты на это! Пойдём ко мне, у меня кое-что есть.

Семья Берег появилась на Платине не так давно. Это была дружная семья из шести человек: родители и четверо детей. Двое старших – уже взрослые, высокие и здоровые парни, Лёня – примерно моего возраста, и младший – лет семи. В наш забытый Богом край они приехали из Белоруссии; поговаривали, что были высланы оттуда за какие-то грехи. У нас в посёлке ничего плохого за ними замечено не было, семья трудолюбивая, хозяйство вели просто образцово. Вот туда-то мы с Лёней и притопали. Кстати, дома у Берега я оказался в первый раз.

Лёня притащил две пол-литровые кружки браги, мы с ним чокнулись и выпили по полной. Немного погодя – ещё по одной. Знать бы, что брага у них находится в оцинкованной посудине, может быть, поостерётся, но не свезло, и я попросту отравился этим пойлом.

До дому дотопал быстро: слегка покачивало, но голова была довольно ясной. Дома же сразу пал на кровать. Тошнило. Моя заботливая и терпеливая бабуля подставила ведро, и на-

чался процесс, который лучше не описывать...

Сколько прошло времени, я и сейчас не скажу, но когда весь выкушанный алкоголь и закуска исторглись, горлом пошла кровь. Я, свесившись с кровати, просил об одном: чтобы не трогали и не поднимали мне голову, так как от этого становилось ещё хуже...

Через некоторое время со дня рождения примчались все мои друзья, и не только, в общем, народу набилась целая комната. Прибежала наш участковый фельдшер, которая лишь разводила руками и говорила, что ничем помочь мне не сможет – слишком поздно, что вся надежда на мой молодой организм.

Уснул я, как провалился, словно потерял сознание. Рано утром проснулся, поднял голову с подушки – ничего не болело, в теле были какая-то лёгкость и слабость. Моя бабуля всю ночь не спала, просидела возле меня. Когда я поднялся, очень обрадовалась, не ругала, не упрекала, сказала только:

– Эх, Владюша, будешь ты теперь мучиться желудком всю жизнь.

Правду сказала, так всё и вышло. Но тогда я пропустил её слова мимо ушей, меня волновало не это, а то, что происходило с моим прооперированным глазом. Подойдя к зеркалу, увидел, что глаза нет, а приоткрыв руками веки, различил лишь что-то ярко-красное. Вот тут я испугался по-настоящему!

Проходили дни, недели...

Наконец краснота и отёк начали спадать, веки – раскрываться. И – о, чудо – косоглазие исчезло!!! К концу августа глаз полностью открылся, осталось лишь небольшое кровоизлияние.

* * *

Тут случилась ещё одна приятная неожиданность: моего друга Юру пригласил в гости его отец. Он работал секретарём Зайковского райкома партии и проживал в Зайково с молодой женой, которую привёз с фронта. У нас троих: Юры, Святослава и меня – была схожая семейная ситуация. Юркин отец вернулся с фронта с новой, молодой, женой. По семейной легенде, она спасла его от смерти, и, естественно, дальнейшую жизнь Юркин отец связал с ней. Детей у них не было, видимо, тяготы военной жизни не прошли бесследно. Юрка же остался с матерью, тётёй Аней, которая работала фельдшером у нас на лесоучастке. Моя бабушка и тётя Аня очень сдружились из-за сходных семейных обстоятельств. Святослав тоже жил с матерью; куда подевался его отец, я не знаю, так как этот вопрос мы никогда не обсуждали.

А я, при живых родителях, жил с бабушкой, только иногда приходя к отцу в гости. Материально он нам не помогал, да и большой необходимости в этом после поступления в училище уже не было. Дело в том, что в РУ учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Стипендию мы не получали, но питались бесплатно три раза в день, получа-

ли два комплекта одежды: суконную и рабочую хлопчатобумажную; две пары ботинок: хромовые и кирзовые; шинель и бушлат; зимнюю шапку. Настоящее богатство! Тем более, жить мы привыкли скромно, по средствам.

* * *

В общем, в гости к Юркиному отцу мы ринулись втроём: не выгонит же он нас. А так как ехать в Зайково нужно было через Свердловск, то я, воспользовавшись случаем, пришёл в больницу к своему доктору Валерии Владимировне. Она внимательно осмотрела мой глаз, нашла два шва, которые во время выписки были прикрыты отёком, сняла их и сказала, что больше оперировать меня не будет, так как косоглазие осталось не более чем на десять процентов, оно совершенно незаметно, и с ним даже как будто симпатичнее. Ещё доктор добавила, что если будут какие-либо проблемы, она всегда готова принять меня.

Из больницы я не уходил, а улетал на крыльях: теперь я уже не косой, не нужно по первому слову бросаться в драку, так как никто больше не будет обзывать и дразнить меня! Хотя, надо признать, мой недостаток, точнее, желание его компенсировать, в какой-то мере сформировали мой характер, чувство собственного достоинства, научили давать отпор обидчикам.

* * *

В Зайково мы приехали к вечеру. Встретили нас очень хорошо. Жена Юркиного отца работала в редакции местной

газеты, но, тем не менее, находила для нас время, не давая скучать. Впереди маячил сентябрь, и пришла пора возвращаться. Провожали нас с лёгкой грустью за пышно накрытым столом. На прощанье отец подарил Юрке чёрный плащ из прорезиненной ткани – мечту всей небогатой молодёжи того времени!

Ненадолго заехав на Платину, первого сентября мы появились в училище. Ребята нашей группы, да и всего училища, с приятным удивлением встретили перемены в моей внешности; да и девчата через друзей стали подавать сигналы, что не прочь со мной встречаться.

Дружелюбный грабитель

Прибыл и приступил к учёбе Толик, но ненадолго. Он и раньше прогуливал занятия, а тут просто зачастил: если день выдавался тёплый, солнечный, Толика в училище можно было не ждать. За пропуска без уважительной причины он получал нагоняй от меня и от мастера, но продолжал прогуливать.

Мы долго не могли понять, куда он линял, пока однажды в училище не приехал из Нижнего Тагила следователь милиции. Вот тут картина прояснилась полностью! Наш беспокойный малый придумал такую фишку: вместо учёбы он садился на электричку, ехал в Нижний Тагил, и там, возле центрального парка – сада имени Болдина – потрошил пьяных. Толик выбирал «клиентов», уже потерявших ориентировку или спящих в саду на лавочках после изрядного «принятия на грудь». Чтобы окружающие ни в чём его не заподозрили, наш пройдоха разыгрывал целое представление: якобы он пытается довести до дома хорошего знакомого. А сам по дороге снимал с него часы и обчищал карманы, забирая всё мало-мальски ценное. При помощи этого нехитрого приёма дружелюбный грабитель обобрал такое количество тружеников и гостей города, что слава о нём не могла не дойти до сведения нашей доблестной милиции. Многие потерпевшие подчёркивали, как ласково обращался с ними зло-

дей, доставляя домой. Правда, до дому он никого так и не довёл, а всегда оставлял мирно спящих «приятелей» под каким-нибудь кустом или на скамеечке, предварительно полностью освободив от лишнего имущества.

Только теперь до нас дошло, откуда брались вещи, которые Спири́н по дешёвке предлагал, оказывается, многим нашим ребятам, объясняя их происхождение крайне «виртуозно»: нашёл.

Так маленький ушлый Толик навсегда исчез из училища, а нам, как и положено, пришлось проводить общее собрание коллектива, на котором учащиеся высказали своё осуждение и негодование по поводу произошедшего.

Разумеется, было подготовлено несколько выступлений, в том числе и моё как старосты группы, после чего следовательно с протоколом собрания и характеристикой на нашего героя отбыл по месту службы завершать следственные мероприятия. А Толик за свои «подвиги» получил несколько лет колонии для несовершеннолетних, и больше я его никогда не встречал. Так и закончились наши отношения, начавшиеся в школе №2 города Нижняя Тура и продолжившиеся в училище посёлка Баранча.

Письмо. 1961 год

Как-то раз, не помню, в октябре или ноябре, меня вызвал к себе директор училища. Я, грешным делом, решил, что кто-то накапал на меня за мои проказы, иначе с чего бы вдруг; но Игорь Александрович встретил меня очень тепло, это сразу было видно. Протянув мне какой-то конверт, сказал:

– Тебе. Садись и читай.

Это было письмо от матери – первое за тринадцать лет разлуки! Оказывается, бабуля все эти годы не оставляла попыток найти мою маму и напомнить ей о том, что у неё есть сын. Стремление сделать это особенно окрепло после того, как мы с Юркой съездили к его отцу: ведь Юркины родители тоже жили раздельно, но, тем не менее, с отцом он встречался, и тот даже помогал сыну материально. Раздобыв адрес, бабуля вместе с тётей Аней, Юркиной матерью, составили и отослали на этот адрес весьма неприятное послание, после чего мать и написала мне. В письме она пыталась объяснить и оправдать свои поступки, просила приехать и даже обещала переводом выслать денег на дорогу туда и обратно.

По выражению лица Игорь Александрович сразу понял, что на душе у меня гадко. Тем не менее, он предложил не

спешить с выводами, а съездить и самому разобраться во всех непростых обстоятельствах, изложенных в письме. Да и бабуля моя, как я понял, очень этого хотела. Она почему-то очень любила мою мать, несмотря на все прошедшие события; а, может, не надеясь на моего отца, хотела, чтоб у меня, если с ней самой что-то случится, был ещё один близкий и родной человек?..

Во всяком случае, хоть я и не дал согласия сразу, но обещал подумать, тем более, что Игорь Александрович, который, как я понял, получил своё сопровождение к этому письму, очень категорично настаивал на этой поездке, приводя массу различных доводов.

Накануне Нового года, перед зимними каникулами, я получил от матери небольшой перевод, купил билет и тронулся в путь. На станции Агрыз пересел с поезда на пригородную электричку до Воткинска, логично предположив, что где Воткинск, там и Воткинская ГЭС. На самом деле это не так, и в письме весь маршрут был подробно расписан, но, видимо, на меня нашло какое-то затмение.

Уже где-то около часа ночи нашёл я в Воткинске улицу Мичурина, дом номер девять – вот так всё сошлось – и давай стучаться. Через некоторое время к двери подошла хозяйка, и после непродолжительного общения через запертую дверь я понял, что попал не туда. Развернувшись, побрёл на вокзал, где получил окончательное подтверждение тому, что ошибся, и разъяснение, куда двигать дальше. Дождавшись

утра, сел на автобус до города Чайковский – там и находилась Воткинская ГЭС – и через непродолжительное время снова нашёл улицу Мичурина, дом девять.

Встретила меня мать, которую я помнил плохо. Она очень изменилась: поседела и погрузнела. Тут же была моя вторая бабушка – Дуся; к обеду подошёл муж матери и теперь мой отчим Георгий Афанасьевич, а затем и брат Юра: он работал водителем на строительстве Саратовской ГЭС и к матери приехал на новогодние праздники.

Юра рассказал, как там, на строительстве, он однажды прямо на машине свалился в шлюз, только чудом не получив ни одной травмы.

Вскоре подошла Валентина, сводная сестра моей матери. Затем появились Толик со Светкой – это уже мои младшие брат и сестра – дети от Георгия Афанасьевича.

На следующее утро я проснулся от громкого шёпота, открыл глаза и увидел двух девчонок лет семи-восьми: одна – моя сестра Светлана, другая, видимо, её подруга. О чём они шептались, было непонятно, разобрал только слова «мой брат». Чтобы не спугнуть их, я попытался притвориться спящим, но поздно: обнаружив, что я их заметил, девчонки тут же со смехом убежали. Так состоялось моё первое знакомство с будущей женой.

Гостил я неделю, перезнакомился со всей роднёй, живущей в Чайковском, а часть просто восстановил в памяти. Отпуск заканчивался, пора было возвращаться. Мы проводили

Юрку в Саратов – достраивать электростанцию, а затем и я отбыл восвояси.

Расстались тепло. Перед отъездом мама очень просила, чтобы я хоть изредка писал ей, чего я себе представить не мог, ведь в моей короткой жизни мне ни разу не приходилось этого делать.

Через сутки я уже был в Свердловске, а затем и дома.

А некоторое время спустя по почте пришла посылка. Из Чайковского. Подарок от мамы и Георгия Афанасьевича – первый в жизни костюм. Сфотографировался и карточку послал маме.

Боксирующий тренер

А жизнь, меж тем, продолжалась. Ещё при поступлении в училище я характеризовался как спортсмен, да и вообще, мне очень хотелось продолжить заниматься боксом. В училище представление об этом виде спорта, кроме меня, имели два человека: мой друг Юрий Лебёдкин и Алексей Матющенко. Юра, заканчивая седьмой класс в городе Верхняя Пышма, посетил несколько тренировок, а если по существу, то кулаки сжимать мог, но не более. Алексей – высокий, симпатичный и очень доброжелательный парень – тоже когда-то немного занимался этим видом спорта, но заболевание туберкулёзом не позволило ему сделать боксёрскую карьеру. У Лёхи были удалены две доли правого лёгкого, о чём свидетельствовал огромный шрам на спине. Он был очень одарённым человеком: прекрасно играл на аккордеоне, трубе, кларнете. Учился Матющенко в группе электриков, но его специальность и стажировка проходили по программе КИП и автоматика. До моего появления в училище Алексей уже пытался организовать секцию бокса, а после нашего с ним знакомства передал эту эстафету мне.

Сам я, хоть и не имел никакого опыта: шесть месяцев занятий и два выигранных боя опытом не назовёшь – рьяно взялся за дело. К тому же преподаватель физкультуры Кормин Владимир Петрович, которому для поддержания авто-

ритета училища ещё одна спортивная секция – их в училище работало несколько – была весьма кстати, активно подержал мои устремления.

Всё, чему научился у Вениамина Молостова, я старался передать ребятам, посещавшим тренировки, и результат не замедлил сказаться: уже зимой мы заявили на первенство района почти полной командой, не хватало только тяжёлого веса. Это было впервые, это было событие, это была сенсация! Верхне-Туринское ремесленное училище №50 тоже выставило почти полную команду. Но фаворитом турнира, конечно, была Кушва – Гороблагодатский рудник, где тренировал Николай Жёлобов – бывший матрос и, в юности, неплохой боксёр.

Для первого раза мы выступили неплохо. Несколько наших выиграла первенство района, кое-кто проиграл, не без этого, но в целом, для первого раза, мы были на высоте!

В феврале шестьдесят второго в Кушве проходили соревнования по боксу на первенство города. РУ №13 тоже выставило свою команду. 23 февраля в газете «Кушвинский рабочий» был опубликован краткий обзор этих соревнований.

Я выиграл у одного из любимцев Жёлобова – Володи Курбатова. Бой был трудным: Володя оказался упорным парнем. Он много наполучал, но выстоял все три раунда.

После этого понеслось: соревнования в Верхней Туре, товарищеская встреча с командой РУ №50, первенство Нижне-Туринского района, где выступали команды Качканара,

Нижней Туры, закрытой зоны «Свердловск-45», РУ №50.

Отвлекаясь, скажу: с командой РУ №50 нас связывали особые отношения. Мы, можно сказать, принадлежали к одной боксёрской школе: тренеры обеих команд были воспитанниками Вениамина Молостова и, соответственно, учили ребят тому, что умели сами. Боксёры из РУ №50 были теперь нашими постоянными соперниками и, по совместительству, друзьями.

Так вот, за весь период этих соревнований я, как боксирующий тренер, не проиграл ни одного боя. Росло количество боёв, накапливался опыт, и хоть я не достиг ещё юношеского возраста – шестнадцать лет – иногда встречался в ринге с более взрослыми соперниками и выигрывал у них.

Так на товарищеской встрече с командой Нижней Туры Молостов предложил мне отбоксировать с Вениамином Поповым, боксёром вполне зрелым и намного старше меня. И я выиграл. После боя Молостов подошёл ко мне и сказал, что такой прыти он от меня не ожидал. Да мы и в командном зачёте ободрали его учеников, что, конечно, было для Вениамина сюрпризом. Мои ребята оказались на голову выше его подопечных!

Перед началом летних каникул в училище прислали «Положение о проведении областных соревнований по боксу среди юношей общества «Трудовые резервы». Соревнования проводились в Свердловске на базе училища №1, которое готовило рабочих для Уралмашзавода. Впоследствии жизнь

ещё свяжет меня с этим училищем: я буду готовить две группы электриков, читать им лекции по электротехнике и спецтехнологии. Туда же поступит мой старший сын. Но всё это гораздо позже. А пока мы стали обдумывать, как скомплектовать команду.

В своём весе я был намного сильнее ребят, которых тренировал, но знал, что не буду допущен к соревнованиям по возрасту. Выход нашли, исправив в свидетельстве о рождении 1946 на 1945, благо на Руси умельцев да «светлых голов» даже среди несовершеннолетних всегда хватало. А вот что делать с Лёшей Матющенко: с оперированным лёгким и шрамом во всю спину? Мы понимали, что по медицинским показаниям его не позволят включить в заявку. А Лёша очень хотел выступать! Придумали вариант: в заявку его не включили, но в конце списка оставили место, и когда документ был подписан и скреплён печатью, аккуратно вписали Лёху. Владимир Петрович, учитель физкультуры, которого уполномочили сопровождать команду, был в курсе наших проделок, но закрыл на это глаза.

По прибытии нас расселили в помещении Машиностроительного техникума, рядом с училищем. Наши друзья и соперники из РУ №50 разместились тут же. К ним в комнату попал Володя Тимофеев из Краснотурьинска.

На следующий день, после взвешивания и жеребьёвки, начались соревнования. Нужно отметить, что участников было очень много, почти все ремесленные училища выставили

свои команды, но фаворитами были свердловчане – техникум №1, серовцы и каменск-уральцы. И эта тенденция сохранялась многие годы.

Не буду расписывать, как проходило это мероприятие, отмечу только, что мы и верхне-туринцы пролетели в одну калитку: ни одного призового места не завоевали. Я проиграл свой первый бой Виктору Кокшарову из первого училища, которого тренировал Владимир Кириллович Попырин.

А вот Володя Тимофеев все свои бои закончил досрочно. Секундировал его Гриша Заппаров. Он привёз команду серовцев, а так как Краснотурьинск находится рядом с Серовым, Заппаров отлично знал и Вовку, и его тренера. На соревнованиях мы увидели такой уровень подготовки, достичь которого за шесть месяцев просто невозможно – нужны годы упорных тренировок. Но главное: мы все перезнакомились и быстро сошлись на почве любви к боксу. Домой уезжали вместе.

Так закончился первый год моего пребывания в РУ№13. Для меня, простого деревенского парня, он оказался очень насыщенным. Появилось много друзей, состоялось немало соревнований, где завелась масса новых знакомств. В училище я был на очень хорошем счету. Но одним из основных событий этого года была, конечно, встреча с матерью.

Осенняя страда или осенние страдания. 1962 год

Летом я помог отцу справиться с сенокосом, а в сентябре вся группа снова собралась в училище. С ходу получили пренеприятнейшее известие: нашего мастера призвали на военные сборы. Стало тоскливо: очень уж уважали мы нашего Бориса Александровича. Тут же принялись высказывать предположения о том, кто будет его замещать.

Вечером собрались и постановили, что это событие необходимо как-то отметить. В любом коллективе существует костяк – группа наиболее активных товарищей. Был такой и у нас, человек восемь. После учёбы мы сбросились, купили вина и прямым ходом отправились провожать нашего мастера на сборы. Жил Борис Александрович в просторном бревенчатом доме. Дружно ввалившись в комнату, мы обалдели: за большим столом сидели Борис, его друзья и родственники, мастер, которому он передавал группу и – самое неожиданное – старший мастер училища. Его мы довольно сильно побаивались.

Вдруг в сумке гулко звякнули бутылки, и мастера поняли, что выпускать нас нельзя: напьёмся. А это будет пятно на всё училище. В целях безопасности и сохранения репутации учебного заведения нас пригласили за стол. Старший мастер,

покачивая головой со словами: «Ну и ребята у тебя, Боря», – разрешил налить и нам.

Посидели недолго, Борис пошёл нас провожать. Прощаясь, отозвал меня в сторону, обнял, а потом сделал небольшое внушение по поводу произошедшего и попросил, чтоб ничего подобного, пока он находится на сборах, не было, чтобы дисциплина в группе была на высоте. Знал бы он, что произойдёт в его отсутствие – попросил бы отсрочку...

Однажды ребята, которые жили в Кушве, привезли из дома яблоки и, как водится, всех угостили. Яблок было много, и были они явно не уральские. На вопрос «откуда?» парни, не запираясь, ответили, что с поезда. Оказалось, всё очень просто! Сейчас осень, дары юга: фрукты и арбузы – везут на Урал вагонами. Узнать такие вагоны несложно: вентиляционные окна в них забиты деревянными решётками. По каркасу вагона добираться до такого окна, берёшься за козырёк крыши, ногой выбиваешь решётку и ныряешь в вагон. А дальше только успевайте – ловите груши, яблоки, арбузы...

Постановили: в следующее воскресенье домой не едем, а идём страдовать – так мы называли это мероприятие. Наметили и объекты: станции Нижний-Тагил-Сортировочная, по-другому Смычка, и Горо-Благодатская.

В воскресенье вечером собрались на станции. Первая вечерняя электричка уходила в сторону Нижнего Тагила, поэтому и выбрали для почина Сортировку Нижнего Тагила. Когда прибыли на место, уже совсем стемнело. Заранее до-

говорившись о том, что в случае каких-то непредвиденных обстоятельств встречаемся на вокзале, пошли осматривать дальние пути. Но почему-то в этот вечер на станции стояли только составы с лесом да закрытые вагоны-пульманы с задраенными окнами – деревянные решётки не попадались.

Наконец, обнаружили состав рефрижераторов и решили проверить, что же в них находится, тем более что двери вагонов были замотаны простой проволокой. Правда, проволока была опломбирована, но кто берёт в расчёт такие мелочи?

В первом вагоне оказались ящики со сливочным маслом. Посовещались и пришли к заключению, что оно нам ни к чему. Закрыв двери, с шумом и хохотом двинули дальше. И тут на нас с двух сторон, с требованием остановиться, стали наступать какие-то люди.

Ага, сейчас! Остановимся! Попадаться мы не собирались, и кинулись врассыпную...

Через некоторое время вся компания была в сборе, не хватало только Славки Бекасова. Мы ещё немного подождали его и сели на ночную электричку, которая шла в обратном направлении – в сторону Верхотурья, решив: пусть Славка добирается один, раз заблудился. Ехали шумно, не забывая, однако, следить за тем, чтоб не попасть в лапы ревизоров, ведь покупать билеты было не в наших правилах.

Выйдя на Горо-Благодатской, сразу же направились осматривать составы, но снова ничего заслуживающего внимания не нашли, только на последних путях опять стояли

рефрижераторы. Вскрыв один из вагонов, мы очумели: весь вагон был забит бочками с надписью «Пиво жигулёвское». Но эта находка была нам не по зубам!

К месту старта возвратились уже поздно ночью. Нужно было хоть немного поспать, ведь утром – на занятия, тем более, теоретические. Настроение было не очень: убить столько времени, и всё зря! Веселили лишь воспоминания о том, как ловко мы ушли от погони в Нижнем Тагиле.

Перебираясь через пути, заметили в тупике несколько крытых вагонов: то ли они были загнаны туда недавно, то ли мы просто не обратили на них внимания с вечера. Проверили и обнаружили, что у одного окна забиты деревянными решётками. Ну, наконец-то! Самого мелкого направили на разведку. Посветив фонариком, он увидел в вагоне арбузы! Чётко по технологии выбили решётку и вытащили несколько штук: жаль, много не унесёшь. На этом наш ночной рейд удачно завершился.

Вот что значит никогда не опускать руки, проявляя настойчивость и упорство в достижении цели! Если надеяться и верить, успех и удача придут к тебе! К нам, например, пришли... утром, во время занятий... точнее, за нами...

С утра в училище на линейке отсутствовал Славка, и это неприятно поразило и насторожило всех участников похода, но начался урок, и наши переживания как-то отошли на второй план. Ближе к концу урока я через окно увидел вкатившийся во двор милицейский мотоцикл с коляской. В коляс-

ке сидел Славка. За рулём – человек в штатском. Мотоцикл остановился у крыльца, и оба приехавших вошли в здание. На душе снова стало тревожно. Спустя непродолжительное время меня вызвали к директору, и в дверях классной комнаты я столкнулся со Славкой. Перемолвиться с ним я не смог, но понял, что дело пахнет жареным.

Директор училища Шляхтин Игорь Александрович был прекрасной души человек! Ещё на первом году обучения он немного узнал историю нашей семьи из письма моей матери и настоял на том, чтобы я съездил к ней. Это дало мне возможность вновь обрести родных. Теперь же, открыв дверь и встретившись с ним взглядом, я понял, что ничего хорошего меня не ждёт...

Не буду пересказывать всю продолжительную беседу втроём в кабинете директора, но вышел я оттуда подавленным: в милиции Славка подробно изложил всё, что произошло на станции в Нижнем Тагиле! Хорошо ещё, что он не знал о последующем развитии событий. Кроме того, наш компаньон перечислил всех без исключения участников экспедиции. Пришлось писать объяснительные. В них мы, разумеется, умолчали о своих дальнейших подвигах. По-видимому, это нас и спасло...

Сотрудник железнодорожной милиции с пачкой объяснительных отбыл к месту службы, а нам предстояло готовиться к общему собранию училища, которое состоялось на следующий же день. Случай был серьёзный: восемь человек во

главе со старостой группы организовали набег на железную дорогу!

Из старост меня, конечно, выперли в «рядовые», причём, надо отметить, не единогласно. А вот в училище, хоть и пугали исключением, оставили. Особенно усердствовал в обличительной речи заместитель директора по политико-воспитательной работе – такая уж у него должность. Решение собрания было, как водится, заранее подготовлено, поэтому старостой выбрали Володю Игумнова. Несколько лет спустя, после призыва на военную службу, Володя играл в хоккей с мячом за Свердловский СКА, но в описываемый период отношение к нему в группе было почему-то довольно прохладным.

Через некоторое время со сборов вернулся наш мастер, Борис Александрович. Встречать его с бутылкой мы, конечно, не решились, а вот он, увидав нас, укоризненно покачал головой, отвёл меня в сторону и стал расспрашивать о том, как прошло собрание. Я, естественно, всё выложил.

– Да, это, конечно, глупость большая с твоей стороны, – сокрушённо произнёс он. – А ещё большая – с нашей. Если б я был здесь, то ни за что не дал бы тебя переизбрать: сейчас группой всё равно будешь руководить ты, а отвечать – Игумнов. Его ведь никто слушаться не будет. Дурь это!

Оглядываясь назад, скажу: это происшествие сошло нам с рук лишь потому, что не был зафиксирован факт хищения – только попытка. А иначе ждал бы нас Свято Николаевский

монастырь в Верхотурье.

Труд и трудовые резервы

В начале декабря, навещая в Нижней Туре своего первого тренера Вениамина Молостова, я узнал, что в Серове намечается первенство области по боксу спортивного общества «Труд».

В Советском Союзе спорт объединялся под флагами разных спортивных обществ, и в зависимости от того, где спортсмен учился или работал, определялось, под эгидой какого общества он будет выступать. «Труд» объединял школьников и работников промышленных предприятий. «Зенит» – работников военно-промышленного комплекса. «Урожай» – тружеников сельского хозяйства. «Локомотив» – железнодорожников. «Трудовые резервы» – учащихся РУ и ФЗО. «Спартак» – учащихся техникумов и работников ЖКХ. «Буревестник» – студентов ВУЗов. «СКА» – военно-служащих. «Динамо» – сотрудников органов внутренних дел и КГБ. Я, как учащийся РУ, состоял в спортивном обществе «Трудовые резервы».

Впрочем, это разделение было относительным и достаточно условным. Поэтому, когда для участия в соревнованиях в Серове потребовалось предъявить членский билет общества «Труд», мы с Валерой Быковым из РУ№50, который

был на год меня старше и на одну весовую категорию тяжелее, заплатили взносы и получили новенькие членские билеты спортивного общества «Труд». Вениамин принял решение взять только нас двоих, как наиболее подготовленных, а остальных для выступления на областном уровне даже не рассматривал.

В Серове после прохождения мандатной комиссии нас разместили в гостинице Metallургического завода. Вечером в коридоре гостиницы я неожиданно встретил Володю Тимофеева, с ним был Валя Рудаков, боксёр из Серова. Оба к тому времени уже стали чемпионами области по обществу «Трудовые резервы». Спросив Володю, будет ли он боксировать на соревнованиях, узнал, что не будет, так как продолжает выступать за «Трудовые резервы», а вот Рудаков – тот да, и как раз в моём весе. Он покинул «Трудовые резервы» и перешёл в «Труд». Это был сюрприз: Рудака я знал, правда, шапочно, ещё по Свердловску, где он, как и Володя, стал первым в своём весе.

Володя познакомил нас. Тогда я, конечно, не подозревал, что это знакомство станет важной вехой в моей жизни.

А пока готовился к встрече с Бренером, боксёром из Каменск-Уральского. Он выше меня ростом, очень подвижен. К сожалению, выяснилось данное обстоятельство только в ходе боя, когда противник уже расправлялся со мной. Проиграл я по очкам, и это было второе моё поражение.

Валера Быков в первый день отдыхал – так выпал жребий

– а во второй так же, как и я, проиграл. Можно было собираться домой, но мы решили посмотреть финал, благо, из гостиницы нас никто не гнал, да и талоны на питание были выданы сразу на весь период. В финале «мой обидчик» встретился с Рудаком и проиграл ему, как говорят в боксе, в одну калитку: во втором раунде даже побывал в тяжёлом нокдауне. Короче, без вариантов!

Стоит отметить ещё один бой: серовец Женя Собянин против свердловчанина Юрия Шемолдаева. Шемолдаев – очень техничный боксёр, любимец Арона Фридмана, который на тот момент был главным судьёй соревнований. Женя – очень ударный: попасть под его кулаки и выстоять не каждому было дано. Шемолдаев тоже оказался в нокдауне, да и вообще нахватал прилично, но победу, тем не менее, отдали именно ему – благодаря Фридману.

Разве думал я тогда, что когда-нибудь Женя Собянин станет моим основным соперником...

Завершающим этапом соревнований был показательный бой между Алексеем Кабановым из Красноуральска – братом Володи Тимофеева и Валерой Боровиковым. Валерка только что демобилизовался из Армии. Первый мастер спорта в Серове! У Лёхи регалий поменьше. Оба недавно выступали на первенстве Советского Союза войск ПВО, и оба стали серебряными призёрами этих соревнований. В финале Боровик проиграл Олегу Григорьеву, правда, специалисты ставили большой знак вопроса по поводу этого проигрыша.

Дело в том, что имя олимпийского чемпиона заслуженного мастера спорта Олега Григорьева золотыми буквами вписано в историю Советского бокса, и говорили, что именно его статус повлиял на решение судей.

Боровик был на десять килограммов легче, чем Кабанов, и значительно ниже его ростом, но что он выделялся с Лёхой в ринге, словами не описать – это надо видеть! Сразу была заметна разница в классе!

Вечером, после завершения соревнований, поехали домой. По дороге я размышлял, как исхитриться и выступить по «Трудовым резервам»: в апреле намечались соревнования на первенство области; тем более, я учился в РУ и как бы имел такое право. Если, конечно, закрыть глаза на моё выступление по «Труду»...

Мне недавно исполнилось шестнадцать лет, я вошёл в юношескую возрастную группу, и мне очень хотелось принять участие в этих соревнованиях!..

В училище в основном нажимали на практику: вся группа была распределена по цехам и участкам завода, а мне поручили организовать бригаду из пяти человек по выпуску двигателей-киловаттников для предприятий сельского хозяйства. План установили: сто штук в месяц. Больше – можно, меньше – нет. Мы должны были выполнять все работы, что называется, «под ключ»: сверление и нарезание резьбы в корпусах, сборка железа в статоры и прочее, заканчивая сборкой и испытанием двигателя на испытательной станции,

его покраской и консервацией. Только обмотку закладывала бригада девочек из группы электриков – они целенаправленно обучались этой специальности. Пропитка после завершения обмотки лежала тоже на нас.

Работали мы здорово. Перерыв был только один, обеденный, время которого я легко определял без часов: начиналась сильнейшая изжога – последствие отравления брагой. Вообще-то ещё летом, после обследования, мне была обещана где-то ближе к зиме лечебная путёвка в Кисловодск или Пятигорск. Но после нашего страдания на железной дороге об этом не могло быть и речи. После обеда изжога проходила – так я спасался от болей в животе.

В первый же месяц план мы перевыполнили – наш мастер был очень доволен!

Впереди маячил выпуск группы. Все, кто проходил стажировку в цехах, были обеспечены рабочими местами – для того нас и готовили; вырваться куда-то на сторону было крайне затруднительно, требовалась веская причина. Причину мы с бабушкой нашли: взяли справку с лесоучастка о том, что проживаем вдвоём, и ей, вследствие преклонного возраста, а бабуле было тогда без малого восемьдесят лет, требуются присмотр и уход. Лесоучасток же брал на себя обязательство по моему трудоустройству.

Вот такой документ, как сказали бы сейчас, отмазка. Остаться в посёлке Баранчинский мне очень не хотелось: манили другие перспективы.

В это время домой на Платину я приезжал не каждую неделю: во-первых, началась подготовка к выпускному, а заниматься этим можно было только в выходные; во-вторых, мои друзья-земляки уже окончили обучение, и ездить одному было скучно! То ли дело, когда мы вчетвером летели на станцию и, не дожидаясь вечерней электрички, садились на какой-нибудь товарняк, благо, на каждом из них были вагоны с так называемыми переходными площадками, предназначенными для сопровождающих или охранников, если груз был ценный. Вот на такой площадке мы и добирались до Платины. Если поезд не останавливался на станции, а это сразу было понятно по режиму движения – спрыгивали на ходу. Перед станцией дорога шла в гору, и гружёный состав обычно сбрасывал скорость, набирая её за станцией, при спуске с горы. И вот тут важно было не прозевать и не упустить время. Мы, как десант, вываливались друг за другом по ходу поезда, делали два-три шага, успевали сгруппироваться, сделать сальто, и нас бросало на землю, зачастую прямо в кусты, которые росли вдоль полотна железной дороги. Не успел, не сгруппировался, растянулся – всё пузо и руки будут расцарапаны о бровку.

Выпускной. После бала. 1963 год

Итак, подготовка к выпускному. Сбросившись всей группой – в это время мы уже получали небольшую зарплату – несколько человек с двумя большими сумками отправились в Нижний Тагил. Купить то, что мы наметили, в Баранчинском было практически невозможно, да и сохранить наши приготовления в тайне – тоже. А вот в Нижнем Тагиле, где в те годы была ситуация «как повезёт», шанс всё же имелся. После нескольких ездов затарились под завязку. Всё изобилие предстоящего праздника складировали в комнате физрука, в его шкафах, предназначавшихся для спортивного инвентаря. Есть, оказывается, такой вид спорта – литробол. Туда же мелкими партиями перетащили два ящика пива – огромный для того времени дефицит – предназначавшегося для утренней поправки здоровья.

Так как выпускные вечера проводились не первый год, Администрация училища, зная, что пьянки не избежать, делала всё возможное для того, чтобы минимизировать риски и взять это мероприятие под свой контроль, видимо, действуя по принципу: не можешь помешать – возглавь. С этой целью вечера проводились в столовой училища, под присмотром педагогов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.